

ВЕТЕР МЕЧТЫ

MYSTIC & FICTION

ВЛАДИСЛАВ ЖЕРЕБЬЕВ

БРАТСТВО
МАГОВ.

МЕРТВЫЙ НЕКРОМАНТ

Владислав Юрьевич Жеребьев
Братство магов.
Мертвый некромант
Серия «Mystic&Fiction. Ветер мечты»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57282700

Братство магов. Мертвый некромант: Городец-Флюид; Москва; 2020

ISBN 978-5-906827-45-6

Аннотация

Магическое братство. Сотни лет назад оно существовало, и легендарные маги древности шли рука об руку, неся в своих сердцах дружбу и верность, пока не случилась беда. Маг черный, проклятый, преданный и обреченный, стал причиной распада. Прошло много лет, и новые, юные и восторженные адепты вступили под своды Магической академии. Суждено ли истории повториться и так ли верно написанное в скрижалях?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	33
Глава 3	46
Глава 4	64
Глава 5	72
Глава 6	79
Глава 7	89
Глава 8	95
Глава 9	106
Глава 10	109
Глава 11	124
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Владислав Жеребьев
Братство магов.
Мертвый некромант

© Владислав Жеребьев, 2020

© ИД «Городец-Флюид», 2020

* * *

Владислав Юрьевич Жеребьев – российский писатель-фантаст, автор более десяти романов в жанре авантюрной и детективной фантастики, фэнтези и пр. Главный редактор творческой группы «Чистая вода», занимающейся выпуском аудиокниг в малой форме. Ведущий радиопередачи «Попутчики» на радио «Гудок». Живет и работает в Санкт-Петербурге. Любит хорошую и добрую фантастику, реализм и честность в поступках героев.

Глава 1

В столице королевства, славном городе Мраморный Чертог, в Центральном магическом университете обучали разным специальностям, и если одни из факультетов ценились и почитались, то другие считались уделом неудачников.

Самым уважаемым являлся факультет лечебной магии. Любой маг, освоив все премудрости врачевания, обеспечивал себе безбедное существование на долгие годы. Некоторым из наиболее отличившихся или дальновидных даже выпадал шанс попасть ко двору его величества.

Не так сильно уважали боевых магов. Их жизнь была полна опасностей, но их дорого ценили на границах королевства. Правда, окончив университет с таким дипломом, молодой человек должен был покинуть столицу.

В провинции чествовали магов, управляющих стихиями, способных вызвать дождь или отвести облако саранчи от кукурузных полей.

На последнем же месте по популярности стояли некроманты. И только полиция в них души не чаяла. Некромант оживлял труп, и тот, как на духу, рассказывал, как и за что его отправили на тот свет. Чем труп был свежее, тем проще заклятие. Платили полицейские хорошо. Вот только одна беда: закостенелые в своих заблуждениях миряне ни в какую не хотели принимать некромантов в свой круг, а те, по

своей природе нелюдимые и скрытные, к этому и не стремились. Стать некромантом означало превратиться в изгоя, отверженного. Естественно, к этому никто не стремился. Все студенты мечтали стать лекарями или воинами. Первое означало статус, а второе давало силу, да такую, что вызывала дрожь в коленках даже у самого опытного ветерана.

Вот только стать лекарем или воином мог далеко не каждый. После подачи документов в университет соискатели проходили собеседование, которое должно было выявить из массы молодых людей, предрасположенных к магической науке, самых усидчивых и стойких.

* * *

В большом доме фермера Антуана Бати царил переполох. Еще бы, единственный сын и наследник Антуана, юный Фридрих, отправлялся в столицу на обучение.

– Марта, Марта, где ты, банши тебя побери? – старший Бати, пожилой, крупный мужчина с большими мозолистыми руками, метался по дому в поисках супруги. – Ты хлеб ему положила? – Переполненный чувствами, глава семьи выскочил во двор и, смешно размахивая руками, закружил вокруг телеги, груженной кукурузой.

– Положила, Анти, – Марта высунулась из окна. Лицо ее напоминало каменную маску – И нечего так кричать. Соседи бог весть что подумают, а потом ходи красней.

– Я в своем доме имею право делать все, что мне заблагорассудится. – Фермер подбоченился и, гордо выпятив грудь, победно взглянул на женщину. – А твоим кумушкам, вечно ошивающимся у лавки тряпичника, нечего подслушивать чужие разговоры.

– Да как ты можешь! – вспыхнула в праведном гневе женщина, но довольный собой Антуан уже отправился вверх по лестнице в комнату сына.

Преодолев с десятков ступенек, он на удивление проворно перепрыгнул через большого серого кота, лениво развалившегося поперек коридора, и ввалился в комнату сына, где тот с раннего утра паковал вещи.

– Фридрих? Ты уже готов?

– Да, отец, – юноша, склонившийся над стоящим на полу вещевым мешком, уверенно кивнул, потрянув гривой иссиня-черных волос, и принялся затягивать тесемки мешка.

– Это надо же, сын Антуана Бати едет в университет и будет учиться на мага! – прогремел старший Бати на весь дом. – Пусть все знают, что Бати не лыком шиты! Ты уж, сынок, не подведи нас с мамой, покажи, из чего сделаны настоящие южане!

– Да понял я все, отец. Понял... – продолжая затягивать узлы, снова закивал Фридрих. Наконец, справившись, он уселся на стул. – Все помню. Деньги тратить экономно, обо всех успехах писать тебе и маме каждый месяц. Отправлять письмо в большом пухлом конверте.

– Ну и замечательно. – Довольный фермер скрестил руки на груди и, облокотившись всем своим немалым весом на дверной косяк, радостно оскалился, демонстрируя редкие желтые зубы. – Недаром лекарь Сун давал о тебе столь лестные отзывы. Кстати, о нем... Его рекомендательное письмо не забыл?

– В кармане, – будущий студент похлопал себя по карману кожаного жилета, который совсем недавно купил на ярмарке.

– Монеты хорошо спрятал? В столице одни проходимцы и воры. Ограбят или обдурят и глазом не моргнут. Такие ловкачи, рассказывают...

– Спрятал, – печально вздохнул младший Бати, то и дело бросая косые взгляды на светящегося от счастья отца. – В каблук. Буду доставать по одной и только тогда, когда рядом никого не будет.

– А теплые вещи? – голос матери с первого этажа прозвучал звонко и громко. Недаром Марта Бати до сих пор пела в местном хоре.

– Да, мама, – в который раз кивнул Фридрих и принялся пристраивать мешок на спину.

– Ты смотри там, – напутствовал Антуан сына, грузно спускаясь по лестнице на первый этаж. – Я всю жизнь ковырялся в земле, потом и кровью зарабатывая на хлеб. Но если ты выучишься, то сделаешь своего старика самым счастливым человеком...

Проводы были недолгими. Выйдя на центральную площадь, супруги Бати посадили своего единственного сына в почтовую карету, задерживающуюся в маленькой деревушке не более чем на час, и, дождавшись, пока экипаж тронется, отправились восвояси, размышляя каждый о своем.

* * *

Убедившись, что мать с отцом, наконец, остались позади, Фридрих заерзал на жесткой лавке, устраиваясь поудобнее. Кроме него в почтовой карете ехал еще один мальчишка, с такой же торбой, что и у Бати, и до неприличия довольной физиономией.

– Ты чего пялишься? – осторожно поинтересовался Фридрих у попутчика-сверстника, сидевшего в обнимку с мешком, чему-то блаженно улыбаясь.

– Провожали? – поинтересовался тот и, не дождавшись ответа, хохотнул. – Это еще что, брат. Мать и отец – все просто. Меня же высыпали провожать в столицу три младших брата, две старших сестры, дядя Марк с тетей Фридой, отец, мать, дед и даже прадед, кузнец Гарба. Слышал, может, о таком?

– Нет, не слышал, – покачал головой Фридрих. – А ты, значит, в столицу едешь?

– Ага, – вновь расплылся в улыбке парень, – поступать в Магический университет. У меня и бумага от заезжего лека-

ря имеется. Уверяет, что есть, мол, у Марвина Байка особые дарования, которые следует укреплять и развивать на благо общества, а посему ему стоит поступить в университет по достижении восемнадцати лет.

– Что? – ухмыльнулся Фридрих, запихивая мешок с вещами под лавку. – Прямо так и пишет? «Стоит»?

– Ну не так, конечно, но к тексту близко. Кстати, меня Марвин зовут.

– Фридрих. – Юноши пожали друг другу руки.

– Тоже в университет?

– А ты откуда знаешь?

– Не надо быть провидцем. Ты, как и я, с юга. Сейчас всю идет подготовка к посевной, а какой папаша отпустит из семьи лишние рабочие руки просто так? Только тот, кто надеется, что его отпрыск поступит в Магический университет в столице. Да ты посмотри, кто туда едет? Карета-то пустая, только ты да я.

– И то верно, не подумал, – смутился Фридрих. – А на кого учиться собираешься?

– Ну, до этого еще дожить надо, – широко улыбнулся Марвин, – но очень бы хотелось выучиться на боевого мага. Все тебя боятся, уважают, за советом ходят. В любом кабаке бесплатная кружка пива, большой кредит в мясной лавке, девицы опять же сохнут и штабелями падают. Не жизнь, а малина. Ну, а ты кем планируешь стать?

– Лекарем, – выдохнул Бати. – Очень бы хотелось в сто-

лице зацепиться. Знаешь, сколько маг-лекарь там получает? Ого-го! Проработаешь год на вольных хлебах, можно домик прикупить. Два – капитал солидный, три – хватит денег открыть частную практику где-нибудь в пригороде и лечить зажиточных землевладельцев...

Всю дорогу до столицы, а это без малого три дня, они провели в спорах о профессиях, которые выбрали, и их преимуществах. Быстрая почтовая карета, заезжая в города и села, забирала почту и редких пассажиров, и кучер, пощелкивая плетью, гнал лошадей дальше по центральному почтовому тракту, пока на горизонте не появилась стена с большими деревянными воротами, за которой раскинулся город городов – Мраморный Чертог, столица Срединного королевства.

Рядом со сторожевой будкой, раскрашенной в белый и красный цвета, стояли городские стражники – крепкие поджарые парни, с ног до головы закованные в латы.

– Стой!

Невероятно широкий в плечах малый уверенно поднял руку, и почтовая карета осторожно замедлила бег и остановилась.

– Эй, возница, пассажиры есть?

Немолодой уже кучер в простом тряпичном кафтане и форменной круглой шляпе Королевской Почтовой компании соскочил с козел и, достав подорожный лист, протянул блюстителю порядка.

– Есть, как не быть, господин капитан, – срывая шляпу,

раскланялся он. – Два парнишки из южного удела, в университет едут поступать.

– Опять началось, – скривился капитан, нехотя подписывая протянутую ему подорожную. – Пить, гулять будут, беспорядки нарушать. Ну да ладно, сейчас расставим все на свои места. Эй, сержант! Проведи среди молодежи разъяснительную работу и собери пошлину за проезд!

– Слушаюсь, господин капитан, – средних лет мужик с армейской выправкой и шикарными рыжими усами нехотя, громыхая доспехами, направился в сторону экипажа. – Кто такие, куда едем, что в столице надо? – грозным голосом поинтересовался он, засовывая голову в окно экипажа.

– Мы это... – стушевался Марвин, – поступать.

– И подорожные в порядке?

– Конечно, в порядке, – закопошился в своем узле Фридрих. – И подорожные, и рекомендательные письма. Вот, пожалуйста.

Приняв из рук юношей бумаги, рыжеусый сержант без интереса пролистал их и, вернув законным владельцам, протянул руку ладонью вверх.

– А теперь извольте за проезд в столицу Мраморный Чертог по десять медяков с каждого.

Звонкие монеты перекочевали из тощих кошельков будущих школяров в широкую мозолистую ладонь вояки. Придирчиво пересчитав медь – к ней сержант отнесся куда более внимательно, чем к документам, – он убрал монеты в боль-

шой кожаный кошель с королевским вензелем и, облокотившись на дверь экипажа, принялся объяснять правила:

– Значит, так, господа будущие студенты. На посещение славного града дается вам не более, чем день. Ступайте в приемную комиссию, где вам оформят бумагу о временном пребывании в столице в связи с поступлением. Потом бегом в ближайшее отделение городской стражи. Там вас оформят, поставят на бланк печать, и носите этот документ с собой вплоть до зачисления. Любой патруль на улицах столицы может поинтересоваться, кто вы такие, и, не найдя бумаг, выставит за ворота. Штраф за пренебрежение правилами тоже немалый, пять золотых, так что задумайтесь.

– Конечно, господин сержант, – добродушно произнес Марвин, но рыжеусый лишь смерил его ленивым взглядом и продолжил:

– В городе порядки не нарушать, вина пить в меру. За замужними дамами не бегать и драк на улицах не устраивать. Если будет за вами такой грешок, десять суток ареста вам не избежать, а заодно и письма в университет. Не воровать, не мошенничать. За все это полагается либо тюремный срок, либо отсечение левой кисти, дабы показать простому жителю, что перед ним вор и негодяй... Также запрещается мочиться в общественных местах, спать под открытым небом, хулить короля и придворных особ. Это основное и главное. Если интересны все правила, зайдите в городскую ратушу. Там их всегда можно увидеть у входа, они начертаны на пер-

гаменте рядом с постом дежурного офицера. Ну что, молодежь, все понятно?

– Понятно, господин стражник, – хором ответили молодые люди.

– Ну, я предупредил.

* * *

– Знаешь, Фридрих, – громко стуча подошвами, Марвин пошел по улице рядом со своим новым приятелем, сгибаясь под тяжестью вещевого мешка. – Я думал, что Мраморный Чертог малость мраморнее будет. Тут же обычные дома. Добротные, свежевыкрашенные, со стеклами вместо бычьих пузырей в окнах, но мрамора ни на грамм.

Почтовый экипаж доехал до почтамта, располагавшегося около южных ворот, и, попрощавшись с возницей, а заодно спросив, как пройти в университет, молодые люди навьючили на себя мешки с нехитрыми пожитками и провиантом и бодро зашагали в указанном направлении.

Оказавшийся вовсе не мраморным большой город все же поражал воображение. Шумный, многолюдный, заполненный всевозможными звуками и запахами, он предстал перед гостями как загадочный каменный лабиринт, ведущий к сокровищнице с несметными богатствами. Южный квартал Мраморного Чертога состоял из домов зажиточных горожан, продуктовых лавок и мастерских, поэтому был чист

и опрятен. Нарядные, срубленные из каменного дерева дома поблескивали в лучах весеннего солнца чистыми стеклами и коптили прозрачный воздух дымом печей, отапливающих жилые помещения.

Кого тут только не было. Невдалеке прошел худой долговязый и раскосый степняк в кожаном плаще, с закрытым в чехол луком, а за ним пробежал коренастый предгорный житель, низкий, косматый, с густой бородой, заплетенной во множество мелких косиц, держащий на вытянутых руках здоровенный сундук, едва ли не с него размером. Тут же гарцевала и конная городская стража, лениво осматривающая пешеходов в поисках нарушителей порядка и громыхающая начищенными до блеска доспехами с королевской эмблемой на груди – вставшим на дыбы единорогом. Но особенно поразило обилие флагов. Каждый дом, каждая скобяная лавка или трактир, попадавшийся на пути друзей, имел небольшой флагшток, на котором красовались флаги всех форм и размеров. Были они и треугольные, и квадратные, и похожие на длинную портянку, и везде неизменно красовался мифический однорогий зверь, восхищая ребят красотой линий и грозным взглядом выпученных глаз.

– Это просто праздник какой-то, – пробормотал Марвин, во все глаза пялясь на проезжающего мимо вельможу, чья лошадь была укрыта розовой попоной.

– И есть хочется. – Фридрих остановился и, присев на небольшую каменную лавочку под масляным фонарем, при-

нялся развязывать тесемки вещевого мешка, где хранились остатки провизии, собранной его матушкой три дня назад в дорогу. – У тебя что осталось?

– Полкраюшки хлеба, – Марвин с тоской во взгляде вытащил из своего мешка черствую горбушку и помахал ею перед носом приятеля. – Что у тебя?

– Луковица. – Развязав тесемки, Фридрих начал выкладывать нехитрые припасы на скамейку. – Заплесневелый остаток колбасы, что я и колбасой бы назвать постеснялся бы... и все.

– М-да, – хохотнул молодой Байк. – Выбор не богатый.

– А есть-то хочется, и запахи тут какие! – младший Бати втянул ноздрями запах свежей выпечки из приоткрытой двери ближайшей хлебной лавки и сглотнул вдруг набежавшую слюну. – Выпечка. Свежая.

– Не трави душу. – Марвин завистливо посмотрел на приоткрытую дверь и вдруг, хитро улыбнувшись, шелкнул пальцами. – А знаешь ли, дружище Фридрих, что помимо денег на проживание и грабительской пошрины, которую мы с тобой отдали рыжеусому, у меня заваялось еще три медяка за подкладкой?

– Нет... – оживился проголодавшийся Фридрих. – И ты предлагаешь их потратить на сдобные булки? Было бы замечательно.

– Так чего мы ждем?

Вскочив с места, друзья покидали остатки нехитрого про-

вианта обратно и, закинув мешки за спину, бодрым шагом направились в сторону пекарни.

Большая витрина, закрытая стеклом, была верхом фантазии любого провинциального жителя. Что тут только не было выставлено на всеобщее обозрение! Куличики, обсыпанные пудрой, сдобные булки с вареньем, кренделя с маком и корицей, круглые хлеба с зернами кунжута. Список можно было продолжать до бесконечности, и от одного взгляда на это изобилие могла закружиться голова.

Набравшись духу, Марвин толкнул дверь и, войдя в пекарню, остановился у вытертого деревянного прилавка, где возвышались корзины, прикрытые цветастыми полотенцами.

– Эй, хозяин! – крикнул он, шаря взглядом по пустому залу – Посетители пришли.

Через несколько секунд в проеме двери за прилавком появился упитанный малый, примерно тех же лет, что и Фридрих с Марвином. В руке у него был зажат испускающий пар и запах мяса с луком пирожок, который мальчишка поглощал на удивление проворно. Видно, сказывался немалый навык уничтожения продуктов.

– Нам бы булок... – сглатывая слюну, выдавил Байк, с жадностью наблюдая, как сдоба исчезает в бездонной пасти толстого мальчишки.

– Деньги есть? – невозмутимо поинтересовался юный булочник. – А то знаю я вас, попрошаек. Ни гроша в кармане, а все туда же, за лучшей сдобой в городе.

– Деньги есть, – насупился обиженный сравнением с попрошайками Марвин, вытащив из кармана жилета медяки, потряс ими в кулаке.

– Тогда ладно... Тогда все в порядке... – Не выпуская из толстых, больше похожих на сардельки пальцев пирожок, толстяк вразвалочку добрался до прилавка, откинул полотенце с первой корзины, откуда доносился умопомрачительный запах запеченных в тесте грибов. – Пирожок с грибами, – начал перечислять он, – две штуки, один медяк. Пирожок с яблоком. Три штуки, один медяк. Булка с маком, медяк штука. Все. Остальное много дороже...

– Тогда нам, пожалуйста, два пирожка с грибами и три с яблоком.

– Две монеты медью.

Медяки быстро перекочевали из кулака Байка в толстую ладонь мальчишки-булочника, и тот, выложив пирожки на чистую тряпицу, принялся старательно их запаковывать.

– Не стоит беспокоиться, – попытался остановить расставшегося поваренка Фридрих. – Мы их и так съедим.

– Не положено. Я, Мальком Пекарь, сын Ивонна Пекаря, все делаю по уставу. Мы пекари в десятом поколении. У нас даже фамилия такая – Пекарь!..

Выслушав пафосную речь о строгих порядках в семье Малькома и получив сверток с пирожками, приятели распрощались с мальчишкой. Выйдя на улицу и устроившись на все той же скамейке под фонарем, проголодавшиеся до

невозможности приятели принялись уничтожать покупку.

Толстяк не соврал, выпечка оказалась на удивление свежей и вкусной. Пирожки с грибами буквально таяли во рту, а когда юноши добрались до яблочных, так и вообще не нашли слов, чтобы описать свои ощущения.

– Знатные пирожки были, – вздохнул Бати, отряхивая колени от крошек. – Только мало.

– Твоя правда, Фридрих. – Отправив последний кусочек в рот, Марвин вытер подбородок. – Только на ярмарке похожие и пробовал. У нас же в деревне что? Похлебка да краюха хлеба. Никаких излишеств.

– А мой отец – фермер, – вдруг затосковав по дому, поделился с приятелем Фридрих. – Очень уж любил хорошую баранину или гуся, а вот пироги и плюшки почему-то не жаловал.

Тем временем, заскучав, толстый мальчик со смешной фамилией Пекарь выбрался на улицу и как бы невзначай принялся прогуливаться рядом с друзьями, прислушиваясь к разговору Услышав, что речь зашла о Магическом университете, Мальком оживился. Глаза его вспыхнули, и отразившийся на лице неподдельный интерес заставил даже хмурого и печального Бати добродушно улыбнуться.

– Что, – усмехнулся Бати. – Интересно?

– А как не интересно, – ничуть не смутившись, заявил толстяк. – Мне же туда в этом году поступать.

– И этот туда же, – Марвин с сомнением окинул взглядом

рыхлую фигуру поваренка. – Чем тебе у батюшки в пекарне не нравится? Мы-то понятно, лучшей доли ищем, а у тебя и лавка в городе, и жилье. Ряху вон какую наел на булках.

– А ты кто такой, чтобы о моей ряхе, тьфу ты, лице моем... Зачем обзываешься? – разозлился Пекарь.

– А ты нас попрошайками обзывал, и ничего, – пожал плечами Бати. – А как дело тебя любимого коснулось, так вон как всполошился.

– Извините, – вдруг стушевался толстяк. – Когда я кушаю, то плохо соображаю. Уж и ругали меня, и пороли, и даже к лекарю водили, но местный мэтр только развел руками. Пояснил только, что моя любовь к еде есть не что иное, как нерастраченные способности, которые требуется пустить во благо, и потому...

– ...отправить тебя учиться в Магический университет.

– Верно, – вконец растерялся Пекарь.

– Значит, так, парни, – встав со скамьи, Фридрих скрестил руки на груди и, придав своему облику как можно больше значимости и важности, произнес: – Мы с вами претенденты, самое простое и еще не студенческое сословие, который каждый обидеть и обмануть горазд. Чтобы такого не было, предлагаю заключить соглашение, по которому мы трое: я, сын фермера Фридрих Бати, ты, сын кузнеца Марвин Байк, и ты, сын пекаря Мальком Пекарь, – обязуемся помогать друг другу и держаться вместе, пока не добьемся в университете положения, гарантирующего веселую и беззаботную жизнь.

Ну как, по рукам?

– Хорошо... – кивнул довольный Байк. – Поддержка никому не помешает.

– И я соглашусь, – вдруг подал голос замешкавшийся Мальком. – А то мало того, что обзываются некоторые, так еще и побить могут.

– Так в чем проблема?

– Бегаю плохо.

– Тогда объявляю нас «Братством трех магов», и быть се-му. – Фридрих хлопнул в ладоши, а затем заговорщицки по-манил толстяка пальцем. – Раз уж мы теперь братство, Маль-ком, то тащи-ка своим братьям по тайному обществу еще пирожков. Уж больно они вкусные.

– Так и знал... – Мальком всплеснул руками и, заколыхав необъятным животом, поплелся в сторону отцовской пекар-ни. Повернувшийся к приятелю Фридрих весело рассмеял-ся.

– Вот видишь, дружище Мальком, как полезно иногда вступать в тайные общества. Пирожки бесплатные и... дру-гие блага жизни. Сплошное удовольствие!

* * *

Здание Магического университета располагалось у север-ной стены в старой части города, где громоздились, тесно прижимаясь друг к другу, лавки дубильщиков, каменотесов

и кузнецов. Запах в квартале стоял отвратительный. Чадили углем кузницы, из дубильных лавок доносилась отвратительная вонь квасцов и снадобий, которыми скорняки выделывали кожу, да и шум тут стоял изрядный.

Здание самого университета, а заодно и примыкающие к нему корпуса кампуса были обнесены высоким дощатым забором, по верху которого пробегали магические искры, не сулящие нарушителю ничего хорошего. У главного входа, походившего на въезд в город, стояла такая же полосатая сторожка, но вместо городской стражи там дежурили крепкие высокие парни в красных плащах с эмблемой боевого магического факультета на рукавах – ярко-красного огненного шара, зажатого в кулак.

Толпа у ворот стояла порядочная, в основной своей массе состоящая из желающих стать студентами. Юноши и девушки, смущенно комкая в руках рекомендательные письма, нестройно выстроились у проходной, и, когда один из старшекурсников, держа в руках магический бланк, подходил, называли свое имя, фамилию и ставили отпечаток пальца.

– Бежим, – кивнул в сторону толпы Марвин. – Уже записывают. Как бы не опоздать.

Запыхавшиеся, они добежали до конца ряда и, примостившись за высоким светловолосым парнем в длинном сером плаще, принялись дожидаться своей очереди. Наконец старшекурсник добрался и до друзей. Выглядел он надменно и, по-видимому гордился своими плащом и повязкой, де-

монстрирующими его статус перед претендентами. Важно вышагивая вдоль строя, он не спеша подходил к каждому и записывал их данные.

– Кто такой? – наглым звонким голосом поинтересовался он, с пренебрежением осматривая простую одежду и износившиеся башмаки Фридриха.

– Фридрих Бати, – не обратив внимания на поведение студента, отрапортовал молодой человек. – Желаю поступить в Магический университет, для чего имеется сопроводительное письмо о моем потенциале от мага, с подписью и печатью лекаря Суна.

– Тю... – студент боевого факультета остановил уже собравшегося вручить ему письмо Фридриха. – Твои бумажки мне ни к чему. Мне надо только записать твое имя, фамилию и снять отпечаток ауры. Иногородний?

– Верно.

– Не «верно», а «верно, господин студент», – окрысился парень. – Если ты, Фридрих Бати, желаешь поступить в наш замечательный университет, то будь добр подчиняться правилам. Магистр – это «господин магистр». Ректор – это «господин ректор», а студент – «господин студент». Все ясно?

– Ясно, господин студент, – от испуга Фридрих вытянулся по стойке смирно.

– Вот то-то же. На вот, приложи палец напротив фамилии. Бати быстро приставил указательный палец в то место, куда показал переписчик, и только когда тот пошел дальше по

строю, перевел дух.

– Видали? – улыбнулся Марвин. К Байку парень в плаще подошел чуть раньше и проделал с ним ту же процедуру – Какой важный. Не с той ноги, видать, встал.

– Да ясно, что Мальва злится, – друзья обернулись на голос и увидели привалившегося к забору парня в ярко-синем плаще. – Светила ему увольнительная в город, а вместо этого ректор определил в наряд по проходной. Вот и бесится.

– А не подскажите ли, господин студент, – поинтересовался любопытный Фридрих, – что за искры прыгают над забором. Будто бы они магические?

– Ясно дело, магические, – улыбнулся тот, поправляя широкий кожаный пояс с хитрым витиеватым орнаментом.

– Чтобы внутрь не залезли?

– Как же, дожидайся, – залился смехом студент. – Охранное заклинание, чтобы студенты ночью в город не бегали и вина не покупали. Ты думаешь, вор или грабитель рискнет через забор полезть? Да что он там забыл? Был тут на днях случай. Загулявшая компания перепутала дом и, приняв магическую ограду за обычную, посчитала, что ее нужно непременно перелезть. Может быть, они на трезвую голову и поняли бы, что к чему, но когда в организме много вина, всякие глупости разумные мысли заменяют...

– И что же с ними случилось?

– Да ничего особенного. Полез самый быстрый, ну его и шарахнуло. Третий день блеет как овца. Друзья его начали

сначала возмущаться, но вышел старший магистр и ненавязчиво объяснил, что нечего, мол, ломиться в режимное учреждение.

– И долго бедняга блять будет?

– Да пока магистру не надоест, – усмехнулся парень в синем плаще. – Эх, ребята, многого вы еще не знаете. Сами-то приезжие?

– Ага, – закивал Марвин. – С юга.

Парень в плаще удивленно присвистнул.

– Остановились где?

– Только прибыли.

– Да, ребята, надо вам крышу над головой искать. До зачисления еще неделя, а на открытом воздухе ночевать запрещено. Штраф.

– А разве в общежитие не поселят? – расстроился Фридрих.

– Не-а, – парень в синем плаще покачал головой. – Туда только студентов. Вот пройдете собеседование, получите грамоту о зачислении – и милости прошу в кампус. Старший курс уже съехал, и места навалом, но до этого ни-ни.

– А может, еще подскажешь, где жилье дешевое снять? – наострил уши Марвин. – Мы ведь парни простые, много не просим. Нам и сеновала, если что, достаточно.

– Подскажу, – довольно улыбнулся парень в синем плаще, – если кружечкой пива угостите.

Друзья переглянулись и согласно кивнули.

– Тогда договорились. Сейчас Мальва допишет списки, огласит дату и время экзамена, и дуйте в «Жареного гуся». Тут каждый знает эту таверну, а если что, и так разберетесь. Прямо по улице Кожевников, а как упретесь в лавку каменщика, сразу налево. Там еще вывеска будет, где жареный гусь нарисован. Хозяин особенно о названии не думал. Как доберетесь туда, спросите меня, Дика, Дика-некроманта.

* * *

Крепко запомнив дату и время, друзья направились на поиски «Жареного гуся».

– Это же надо! – удивлялся Марвин, бодро шагая рядом с приятелем по выщербленным булыжникам мостовой. – Нормальный парень – и вдруг некромант.

– А чего ты ожидал? – усмехнулся Бати, пытаясь не пропустить заведение, на ходу читая таблички. – Клыки и горящий взгляд?

– Нет, конечно, – быстро согласился Байк. – Я-то думал, что все они ходят в черном, имеют болезненный вид и белую как пергамент кожу. А Дик загорелый, румяный, и вообще...

– Жизнерадостный?

– Ага. По мне, так сложно радоваться солнцу, коли целый день с трупами возишься да мертвецов от вечного сна отучаешь. У него же и улыбка, и плащ синий. Ничего не понимаю.

– А вот он тебе сам и объяснит, – повернув около лавки

каменотеса, Фридрих уперся взглядом прямо в «Жареного гуся». Небольшое двухэтажное здание, первый этаж которого был общим залом, где ели и выпивали горожане, а второй отводился под номера, теснилось между скотобойней и прядильной мастерской. Вход в таверну освещал единственный на этой улице масляный фонарь, за ненадобностью среди дня потушенный и сиротливо свисающий с деревянного козырька. – Пришли.

– И что мы будем делать?

– Как что? Спросим Дика, угостим его пивом да узнаем, где можно снять комнату. Сам же слышал этого парня с боевого факультета, собеседование и зачисление только через неделю...

Обычно многолюдный и шумный вечером, днем общий зал пустовал, и редкие посетители, рассевшись по углам, не спеша потягивали пиво из высоких глиняных кружек.

– Эй, Дик, – приметив у барной стойки нового знакомого, Бати замахал ему рукой, привлекая его внимание. – А вот и мы!

– Что я говорил, – усмехнулся некромант бармену, меланхолично переставляющему пузатые глиняные кувшины с пивом. – Будет у меня халявная выпивка.

– Опять, Дик, молодежь обираешь? – поинтересовался бармен, но тот только отмахнулся и, соскочив с высокого стула, пошел навстречу юношам.

– Не слушайте вы Анибуса, – дружелюбно кивнул он. –

Он всех подозревает во всех смертных грехах. Работа у него такая... Жилье все еще ищите?

– Само собой.

Усевшись за ближайший свободный стол, друзья подозвали официанта.

– Мне местного, – довольный халявной выпивкой, заявил студент-некромант.

Официант записал что-то в маленький блокнотик и вопросительно взглянул на сидевших рядом с Диком Фридриха и Марвина. Приятели переглянулись и, тяжело вздохнув в предчувствии новых трат, кивнули.

– И нам по местному пиву, – попросили они.

– Сделаем, – кивнул официант, и уже через несколько минут на столе перед друзьями красовались три глиняных кружки, до краев заполненные ячменным напитком.

– Прикрой, – шепнул Фридрих, осторожно склонившись над ухом Марвина. – Деньги надо из каблука достать.

– О чем шепчетесь? – жизнерадостный некромант с интересом посмотрел на друзей и отхлебнул из кружки, оставив над верхней губой большие пенные усы. – Не иначе о деньгах в обуви?

– А вот и нет, – забеспокоился Бати. – С чего это тебе только в голову пришло?

– А с того, – улыбнулся студент. – Как ни приедет кто, обязательно деньги или за подкладкой жилета хранит или в башмаках. Спешу развеять ваши сомнения. Нормальный вор

уведет их откуда угодно. Впрочем, знаю я одно место, куда никто и никогда не полезет. Очень, знаете ли, надежное.

– И какое же? – заинтересовался Марвин, отхлебывая пива из своей кружки.

– Это место темное и теплое, – с издевкой в голосе начал Дик. – Для того чтобы добраться до него, первым делом надо снять штаны, затем раздвинуть...

Поперхнувшийся пивом Фридрих судорожно замахал руками.

– Ты знаешь, Дик, – откашлявшись, начал он. – Мне как-то вдруг стало совсем не интересно, где это новое место, и я уж, по старинке, буду пользоваться башмаком.

– Как знаешь, – пожал плечами невозмутимый студент и, вновь отхлебнув пива, довольно крикнул. – Место верное, ни один ворюга дотуда не доберется.

– Ну, так что насчет комнаты, Дик? – напомнил про обещание нового знакомого Марвин. – Ты вроде говорил про дешевое жилье?

– Говорил, – кивнул тот. – И от своих слов не отказываюсь. В этой таверне оно и есть. Анибус держит комнаты на втором этаже, а на самом чердаке есть крохотная каморка. Зачем ее там устроили и для кого она понадобилась, судить не берусь. Большую часть времени она пустует и, кстати, весьма дешевая. Одна лишь беда, если поставить туда две койки, то места совсем не останется.

– Да не беда, – улыбнулся Марвин, делая солидный гло-

ток. – Крыша над головой есть, и на том спасибо. Да и потом, это же временно. Вот поступим, переселимся в общежитие, и все, не надо ничего платить. Денежка из казны закапает.

– Закапает, – согласно кивнул Дик, опрокидывая в рот остатки пива. – Но вы вот что лучше скажите. Печати у старшего смены на пропускном пункте поставили, чтобы потом их стражникам отнести?

– Ой, балда, – Фридрих ударил себя по лбу открытой ладонью. Звук получился такой звонкий, что некоторые посетители, сидевшие в пустом зале, даже обернулись. – Я же и забыл про это. И что же нам теперь делать? Бежать назад?

– Это вряд ли, – хитро улыбнулся Дик и пододвинул пустую кружку поближе к Бати. – Обычно печать ставят в ходе записи. Собираются все желающие поступить, их записывают, назначают день собеседования, ставят печати на подорожные, а затем сама печать относится в канцелярию на ночь.

– И что же нам делать? – схватился за голову Марвин. – Пойдем завтра, а нас патруль остановит. Вышлют! Оштрафуют.

– Да что ты так убиваешься? – голос Дика-некроманта с каждой секундой становился все довольнее. – Я на ваши бумаги печати поставлю. Завтра пойду в университет, получать книги, а заодно и на КПП отмечусь. Дежурят завтра синие плащи, все пройдет в лучшем виде.

– Вот было бы замечательно, – всплеснул руками Фри-

дрих.

– ...если вы оба, конечно, не сочтете за наглость и поставите мне еще одну кружечку пива за эту пустяковую услугу. Ну, так что, по рукам?

Фридрих только покачал головой.

– Чего уж там. По рукам.

Несколько секунд Дик судорожно тряс кружку над открытым ртом, пытаясь добиться от пустой посуды хоть пару капель вожаденного напитка, и только после того, как окончательно убедился, что большего от нее не добиться, подозвал полового.

– Милейший, – начал он. – Нам бы еще три пива и сухариков с хреном... Сухарики тут, парни, просто пальчики оближешь.

Фридрих вздохнул и посмотрел на Марвина.

– Ну что? Гуляем?

– Ай, – махнул тот рукой. – Была не была. Когда еще можно будет посидеть за кружечкой доброго пива. Поболтаем, отметим приезд, но перед этим нужно обязательно расспросить у бармена о комнате.

– Ну, так что? – напомнил о своем присутствии половой.

– Три пива и сухариков с хреном, – звонко заявил Байк. – Поступающие в Магический университет гуляют!

Глава 2

Голова наутро болела нещадно. Все перед глазами плыло, стоило только Фридриху оторвать голову от подушки, в ушах начинало звенеть, и привкус во рту навевал мысли о кошачьем дерьме. Раньше Бати не пил. Конечно, алкоголь ему пробовать доводилось. Бывало, когда они с отцом отравлялись на ярмарку, то могли позволить себе по бокалу ячменного напитка, иногда получалось выпить и по большим праздникам, когда старший Бати спускался в подвал дома и, нацедив там графин домашнего вина, угощал своего неразумного отпрыска, но чтобы так и в таких количествах, – никогда.

Прошедший вечер Фридрих помнил с трудом. Сначала они заказали вторую порцию пива и внимательно слушали рассказы нового приятеля о нюансах студенческой жизни. Дик оказался студентом факультета некромантии и был на последнем, шестом курсе. Но самое главное, он был доволен жизнью и не видел ничего дурного в некромантии.

– Я по-своему уникален, – хохотал он, отхлебывая из кружки и отправляя вслед за пивом горсть ржаных сухариков с большого плетеного подноса. – Душа компании, знаю массу анекдотов, а главное, в отличие от большинства своих сокурсников, трезво смотрю на жизнь. Ну, некромант, ну, с трупами возжусь и не вижу тут ничего плохого. Те же могиль-

щики имеют со смертью больше дел, чем штатный некромант при разыскной страже, и ничего, здороваются с ними, дружбу водят и пикники на природе устраивают. Так, спрашивается, чем мы, некроманты, хуже?

Слушать Дика было так забавно и интересно, что Фридрих и не заметил, как опустошил сначала одну, потом вторую кружку пива, а потом алкоголь полился рекой. Зал «Жареного гуся» к вечеру был заполнен до отказа. Усталые рабочие заскакивали в бар поиграть в карты и промочить горло. Посетителей все прибавлялось, и уже ближе к вечеру на маленький выступ перед кухней взобралось несколько человек с гитарами, барабаном и гармоникой и устроили концерт.

Захмелевший с непривычки Байк даже пустился в пляс, чем безмерно повеселил компанию кожевников, отдохнувших за соседним столиком после тяжелого рабочего дня. Выскочив на середину зала, Марвин начал весело отплясывать под задорные мотивы.

– Видал, Класу, – один из рабочих нарочито громко обратился к своему приятелю, с пренебрежением поглядывающему сквозь полуопущенные веки на весело танцующего Байка. – Как деревенщина пляшет? Слышал, что они обсуждают? Поступление в Магический университет! Место деревенщины где? В навозе копать да хвосты коровам вертеть, а они все туда же, в маги!

Вмиг в зале повисла тишина. Ярко светящиеся до этого свечи будто затухли, в помещении повеяло холодом. Испугав-

шийся Фридрих быстро обернулся к Дику и потерял дар речи.

В мгновение ока молодой некромант преобразился и будто вытянулся до потолка. Зеленые веселые глаза превратились в два черных бездонных колодца, кожа стала мертвенно-белой, на ней явственно проступили трупные пятна, а плащ, ранее ярко-синий, превратился в черную непроглядную тьму.

– Я не позволю!.. – голос Дика загрохотал, будто каменная лавина, обрушившаяся со склона, и ударом молота врезался в барабанные перепонки. – Я не позволю ни при каких обстоятельствах оскорблять моих друзей! Легко обидеть маленького и слабого, а ты, тварь, попробуй оскорбить меня.

Бледный работяга, испуганно дрожа, судорожно закивал, не в силах вымолвить ни слова.

– Ну, так что? – громыхал некромант, фигура которого теперь подпирала потолок зала «Жареного гуся». – Попробуй.

– Простите, господин маг, – падая на колени, залопотал его приятель. – Мой друг устал и напился. Более такого не повторится.

– То-то же. – Дик немного успокоился и сел за стол, а вслед за этим ушло и наваждение. В зале вновь стало тепло и светло, а глаза студента из угольно-черных обрели свой знакомый зеленый оттенок. – Чтобы загладить свою вину, вы оплатите наш счет. Ясно?

– Угу, – пискнул наконец обретший дар речи нахал. – Все

как пожелает господин маг.

– И больше такого не повторится?

– Ни в коем случае.

Замершие было музыканты вновь заиграли какую-то веселую мелодию, и постепенно все вернулось в свое привычное русло. Между тяжелыми деревянными столами снова забегали половые, а приготовившийся было к худшему бармен довольно кивал, ссыпая монеты в большую деревянную коробку, и, блаженно улыбаясь, подсчитывал вечернюю выручку.

– Что это было? – тихо поинтересовался Марвин, возвращаясь за стол и осторожно присаживаясь рядом с Диком.

– Наука для наглецов, – поморщился тот. – Не терплю вот таких, независимо от их статуса и размеров кошелька. Все порядочные люди должны относиться друг к другу с уважением.

– Нет, ты не понял, – хихикнул захмелевший Байк. – Я про магию.

– Ах, это? – Дик дружелюбно улыбнулся. – Ничего такого, что могло причинить вред. Штуку эту изобрел один студент с нашего факультета и назвал «Крикливый властелин», шума много и эффектно, а опасности ноль, но в случае с такими наглецами иногда очень полезно. В общем, самый обычный фокус. Потом, когда будет время, я тебя научу.

– Ничего себе фокус, – восторженно воскликнул Фридрих. – Но если это фокус, то чему же учат на старших кур-

сах?

– А вот поступите, доучитесь и узнаете. Ну что, господа будущие маги? Моя кружка опустела, да и ваши, похоже, скоро покажут дно, и, раз уж наши друзья за соседним столиком платят, закажем еще по парочке?

При этих словах Дик как бы невзначай обернулся и посмотрел на присмирившего хама. Поймав взгляд некроманта, тот судорожно затряс головой в знак согласия.

– Ну и чудно. Половой! Повторите заказ, и на этом, пожалуй, все. Расчет получите вон с тех господ.

Получив очередную порцию пива, Дик откинулся на спинку стула и прикрыл глаза.

– Засиделся я с вами, – наконец произнес он, – а мне завтра в университет. Выспаться бы.

* * *

Стук в дверь принес страдающему похмельем Бати невыносимые страдания. С сожалением посмотрев на храпящего и пускающего пузыри Марвина, он встал с кровати и, с трудом переставляя ноги, отправился открывать дверь.

– Кто там? – поинтересовался он, оттягивая щеколду.

– Фридрих и Марвин тут живут? – низкорослый и невероятно широкоплечий блондин в ярко-синем плаще с интересом поглядывал сквозь образовавшуюся щель на измочаленную фигуру Бати.

– Они самые, – не сдерживая икоты, признался Фридрих.

– Вот ваши подорожные с печатями о прибытии. – Достав из-под плаща свернутые в трубку документы, студент-некромант вручил их в дрожащие руки Фридриха. – Дик передал.

– А сам он где?

– В карцере.

– Это как в карцере? – опешил от такой новости молодой человек. – Что он натворил?

– Да ничего, – дружелюбно усмехнулся студент. – Явился пьяный в здание академии и заснул на лестничном пролете. Как его через ворота пропустили, ума не приложу.

– А дальше?

– А дальше шел мэтр Маркус, декан его факультета. Увидел он храпящего Дика прямо под статуей Истинного мага да попытался разбудить. В общем, отнесли его проспаться в карцер, а заодно подумать о правилах поведения в здании университета.

– Так его что, отчислят? – испугался за нового товарища Фридрих.

– Ну, это вряд ли, – снова добродушно усмехнулся студент. – Может, отправят на недельку в лабораторию или ближайший анатомический театр, мертвечину ворочать, но он и не в такие передряги попадал, и ничего, выкручивался.

Попрощавшись с неожиданным посетителем, Бати закрыл дверь и, положив документы на прикроватную тумбочку, начал тормошить храпящего Марвина.

– Вставай, вставай, тебе говорю, чертов алкоголик. Чего так надрался? Нам еще к стражникам идти отмечаться, а запах – как от винного погреба моего батюшки, когда он один раз разбил там кувшин с брагой.

Марвин зашевелился на постели и нехотя открыл один глаз.

– На себя посмотри, – хриплым голосом заявил он. – Краше только в гроб кладут.

– В гроб, не в гроб, но вставать надо.

* * *

Когда друзья, наконец, выбрались на улицу, время было сильно за полдень.

– Кушать охота, – признался Марвин, прислушиваясь к бурлению в желудке. – Интересно, а сколько мы вчера потратили?

– Да вроде немного. – Бати постарался припомнить количество монет в каблуке. – Парни за соседним столиком оплатили всю гулянку.

– Тогда, может, перекусим?

– Давай. Заодно и толстяка Малькома навестим. Я его вчера на перекличке не видел, – и, решив навестить Пекаря, друзья зашагали по улице.

Мальком нашелся буквально через пару минут. Важно шествуя с большим свертком, полным пирожков, он стреми-

тельно удалялся от ворот Магического университета.

– Мальком, – Фридрих радостно замахал рукой. – Мальком, стой.

– А, это вы? – толстяк остановился и, добродушно улыбаясь, выставил перед собой сверток: – Хотите пирожков?

– Спрашиваешь! – Байк сноровисто запустил руку внутрь куля и, подцепив сразу два, принялся уплетать их за обе щеки.

– Ну как? – с гордостью поинтересовался сын пекаря.

– Объедение, – Байк выставил большой палец вверх, продолжая уничтожать лакомство.

– Сам испек, – гордо признался толстяк. – По папиному секретному рецепту. Таких пирожков ни в одной лавке не найдете. Только у нас.

– А что это тебя, Мальком, на вчерашней сходке около входа в университет не было? – поинтересовался Фридрих, благодарно принимая из рук толстяка пирог со сладкой начинкой.

– Все мое увлечение едой, – толстяк печально опустил голову и, нашарив на дне свертка пирожок, отправил его в рот. – Сначала я думал, пойду, запишусь, а потом решил покушать. После того как покушаешь, очень хочется поспать, а как поспишь, снова хочется покушать. Ну, а когда опомнился, вечер уже был. Зато сегодня сходил, – расплылся он в улыбке, – поесть только с собой взял на ход ноги.

– И когда твое собеседование?

– Пятнадцатого.

– А у нас четырнадцатого, выходит, на день раньше.

– Выходит.

– Ну вот, первый голод я утолил. – Марвин сыто рыгнул и отряхнул крошки с одежды. – Можно теперь и к стражникам.

– Вам данные оставить? – вдруг проявил сообразительность толстяк.

– Ага. К воротам идем.

– Но вам не к воротам. Все вновь прибывшие отмечают в центральном пункте рядом с городской ратушей. Есть еще, конечно, один пункт у северных ворот, но там по большей части воришек в подвале держат. Пользуют подвал как городскую тюрьму. Давайте, чтобы вы не заблудились, я вас провожу. – Добродушно улыбающийся и временно сытый толстяк Мальком призывно замахал рукой и, не дожидаясь решения друзей, довольно бодро зашагал по улице.

* * *

С трудом поспевая за Пекарем, друзья выбежали на ратушную площадь, которая была под завязку набита народом. Прямо напротив ратуши был сооружен помост с высокой мачтой виселицы, на которой болталась веревочная петля. На помосте стояли трое.

– Что тут происходит? – Фридрих поймал на удивление проворного толстяка за рукав.

– Вора вешают, – усмехнулся тот.

– А почему не руки рубят?

– Если не простой карманник, а растратчик или фальшивомонетчик, то прямая ему дорога к пеньковой тетушке. – Мальком вытащил из свертка последний пирожок и, надкусив, прислонился к стене. – Погодите, сейчас будет потеха.

Друзья остановились и, последовав примеру сына пекаря, вытянули шеи и прислушались, но различить что-то кроме шума толпы было сложно. Трое на помосте выглядели крайне примечательно. Один из них, палач в красном колпаке, закрывающем лицо, ждал, прислонившись плечом к столбу, и явно скучал, изучая свои холеные ногти. Рядом стоял давешний капитан королевской стражи, при параде, в шлеме с плюмажем и пурпурном плаще, отороченном мехом. Доспехи капитана, не те будничные, в которых он нес службу среди пыли и грязи южного квартала, а новенькие, начищенные до блеска песком и ветошью, ярко блестели в лучах весеннего солнца. Большой двуручный меч, торчащий резной рукоятью из-под плаща, придавал его фигуре важности и официальности. Третий, здоровенный детина с черной, как смоль, густой бородой, был раздет по пояс и стоял на жестких неструганных досках босяком.

И вот представление началось. В том, что для жителей города это было чем-то сродни выступлению заезжих циркачей на весенней ярмарке, Фридрих почему-то не сомневался. Все люди вокруг, от мала до велика, будь то зеленые юнцы

или седые старики, улюлюкали, смеялись и даже аплодировали приговоренному, а тот хмуро взирал сквозь густые кустистые брови на ликующую толпу, скрипел зубами от бессилия и, наверное, готов был расплакаться.

– А что он натворил? – поинтересовался у толстяка Марвин.

– Да пес его знает. – Мальком пожал плечами и указал на гордо возвышающегося над толпой капитана: – Вон тот парень в доспехах сейчас все подробно расскажет. – И действительно, мужчина поднял руку в тяжелой кольчужной перчатке, призывая собравшихся у помоста к тишине.

– Добрые жители Мраморного Чертога, – голос капитана тоже изменился. Конечно, до вчерашнего фокуса Дика-некроманта ему было далеко, но и без того ораторские способности стражника внушали уважение. – Перед вами казнокрад и мошенник Зарина Прус! – Толпа у помоста взревела в едином порыве негодования, кое-кто полез в котомки за тухлыми яйцами и гнилыми помидорами. – Тише, добрые жители Мраморного Чертога, – поспешил успокоить их капитан. – Прус подорвал доверие короля тем, что пять лет кряду воровал из городской казны. Все это время негодяй выходил сухим из воды, придумывая разные способы мошенничества, и задерживал отчеты, и вот две недели назад он был пойман с поличным. Поскольку кража королевских денег является одним из самых страшных преступлений, то по протоколу сто двадцать пять от сего дня, второго весен-

него месяца, сборным судом города он приговорен к казни через повешение. Вся личная собственность Зарина Пруса, как и собственность его семьи, будь то имущество движимое и недвижимое, будет продано на аукционе завтра в полдень на большой торговой площади. Полученный от продажи доход уйдет в казну короля, чтобы хоть как-то компенсировать растраты мошенника. Привести приговор в исполнение.

Внезапно послышалась все нарастающая барабанная дробь, вскоре она уже заглушила крики толпы, заставив друзей боязливо съежиться и прижаться к стене.

– Это королевские барабанщики, – наклонившись над ухом Фридриха, прокричал Пекарь, пытаясь заглушить барабанный бой. – Виртуозы. Таких во всем королевстве по пальцам пересчитать можно, и все состоят на службе у его величества. Парочку даже хотели переманить в соседнее королевство. Но наш правитель щедро платит, потому менять хозяина им нет нужды.

Схватив несчастного за связанные за спиной руки, палач поволок его к виселице под свист и улюлюканье собравшихся внизу горожан.

– Знаешь, Мальком, – стараясь перекрычать толпу, обратился к толстяку Бати, – мне что-то расхотелось смотреть. Может, пойдём?

– Да ладно тебе, – добродушно отмахнулся сын пекаря. – Дел-то на пять секунд. Задергает вор ногами, и мы сразу в путь.

Как ни странно, но бородач не сопротивлялся, видимо, смирившись. Дождавшись, пока палач подведет его к петле, он встал на воротца люка и позволил надеть себе на голову холщовый мешок. Барабаны участили бой, а потом резко замолчали...

Более отвратительного хруста Фридрих не слышал ни разу. Только однажды вспомнилось что-то отдаленно похожее, когда его отец случайно зажал палец в колесе, и, чудом его не лишившись, ходил с повязкой почти полгода.

В какой-то момент приговоренный перестал биться в конвульсиях и затих, повиснув на веревке, будто старая тряпичная кукла, а зеваки, заглянувшие посмотреть на казнь, начали не спеша расходиться, в голос обсуждая увиденное.

– Вот так у нас сурово поступают с казнокрадами и мошенниками, – гордо выпятив грудь, произнес Мальком. – Ну что, пошли. Время поджимает.

Глава 3

У сельского учителя была достаточно простая задача: научить фермеров читать, чтобы разбирали новые указы короля, которые развешивали на столбах, да научить считать, чтобы платили звонкую монету в казну. Впрочем, были и некоторые плюсы в столь одностороннем обучении. Быстро справившись с непослушными и упрямыми буквами, младший Бати, в отличие от отца, поглощенного земельными работами, все свободное от помощи в поле и со скотиной время посвящал книгам. В городе была целая библиотека, куда мог прийти любой и, заплатив серебряную монету, получить читательский билет, а вот в деревне с этим было сложно.

Первая книга попала в руки Фридриха из личной библиотеки маэстро Дули, преподававшего в школе. Данная под честное слово и обещание бережно хранить и обращаться крайне осторожно, она была «проглочена» за какие-то две недели. Сядясь вечером у окна и зажигая огарок свечи или лучину, маленький Фридрих с трепетом вчитывался в древние тексты, с восхищением погружаясь в неизведанный мир приключений, гордых воинов и великих магов. Фридрих и сам порой представлял себя то королевским гвардейцем, вышедшим на неравный бой с вероломными разбойниками, то великим целителем, путешествующим по стране, лечащим бедных и за услуги свои не берущим ни медяка... Так Бати и

рос, от урока до урока, от книги до книги, пока не закончилось обучение. Тогда учитель вручил ему последний томик из своей личной библиотеки.

– Учитель! – с благодарностью пробормотал Фридрих, принимая из рук Дули ветхий фолиант с потертыми и пожелтевшими от времени страницами. Ученик завернул его в тряпицу и бережно опустил на дно вещевого мешка. – Что же будет дальше?

– А дальше будет вот что. Сегодня я дал тебе в руки последнюю книгу из моей библиотеки. Ты прочтешь ее и вернешь мне.

– Нет, – смутился Фридрих, – вы не поняли, учитель. Я имею в виду, что дальше? Знания, которые вы нам дали, неоценимы, но, на мой взгляд, это лишь крохи от знаний мира. Я не хочу остаться в южных уделах и провести всю свою жизнь, выращивая кукурузу и кормя кур на скотном дворе. Книги, рассказывавшие об удивительных приключениях, вдохновляют меня на большее.

– Ты действительно смысленный малый. – Дули снял со своего длинного носа очки и принялся протирать их краем жилета. – Может, тебе и сны снятся цветные?

– Снятся, учитель, – доверчиво признался Фридрих. – Только по большей части странные, да и то тогда, когда накануне я сильно переволнуюсь.

– Интересно, – водрузив на нос очки, маэстро скрестил руки на груди и с новым интересом посмотрел на ученика. –

И какие же эти сны?

– Странные. Бывает, будто стою я в поле, а в небе над головой странные линии. Толстые и тонкие, красные, белые, черные, как радуга, только не настоящая, неправильных цветов.

– Линии, говоришь? – насторожился учитель. – И часто ты их видишь?

– Да всегда, когда снятся цветные сны.

– Ясно. – Усевшись в свое кресло, маэстро закинул ногу на ногу и еще более внимательно посмотрел на Бати. – А знаешь, Фридрих, что мы сделаем?

– Нет, маэстро.

– Подожди, не перебивай... Это был риторический вопрос. Сегодня вечером ко мне зайдет мой давний знакомый, друг детства лекарь Сун.

– Настоящий маг?! – В глазах мальчишки засветилось восхищение.

– Самый настоящий, – добродушно согласился учитель. – Ну так вот, оставайся сегодня на обед, я тебя с ним познакомлю.

Выскочив из кабинета маэстро, Фридрих что есть духу помчался, не разбирая дороги. Нет, он не бежал, он буквально летел. Вот тот случай, которого он ждал всю жизнь, о подобном он читал в книгах, но даже надеяться не смел на что-либо подобное. Сегодня он увидит самого настоящего мага-лекаря и даже будет сидеть с ним за одним столом. Выбежав на

задний двор, Фридрих прислонился к стене, пытаясь унять прыгающее в груди сердце.

* * *

На обещанном обеде, по старой южной традиции проходящем в шесть вечера, Фридрих не находил себе места. Быстро сбегав домой, он надел самый нарядный жилет и выходные туфли с малахитовыми пряжками, что разрешалось надевать только по большим праздникам. Далее тщательно вымыл шею, уши и руки и, под конец, прокравшись в спальню отца – тот с матерью давно уже ночевал по разным комнатам, – стащил с полки великую ценность, заморскую туалетную воду, которой иногда прыскался зажиточный фермер, и вылил на себя приличную порцию, в один миг превратившись из обычного южного замарашки в передвижную парфюмерную лавку.

Потянув носом воздух, он понял, что сделал глупость. От обилия цветочных запахов щипало в носу, чесалась и зудела кожа. Благоухание, распространявшееся от мальчишки, свалило бы с ног даже самую заядлую деревенскую модницу, но, слава случаю, таких на его пути не оказалось...

Встретив ученика на пороге дома, маэстро потянул носом и, ухмыльнувшись, кивнул.

– Проходи и снимай обувь, Фридрих.

– А маг? – осторожно поинтересовался Бати, бережно

снимая драгоценные парадные туфли и ставя их в прихожей у вешалки. – Маг уже пришел?

– Лекарь задерживается, но скоро будет. Понимаю твоё нетерпение, малыш, но придется подождать еще несколько минут. Мой руки, садись за стол, а я проверю, что творится на кухне, – и, кивнув Фридриху в сторону украшенной резьбой двери столовой, маэстро Дули удалился на кухню, где всюду звенела посуда, а из приоткрытой двери доносился умопомрачительный запах жаркого и звонкий женский смех.

Помыв руки под большим, начищенным до зеркального блеска медным умывальником, Фридрих толкнул дверь в столовую и, войдя внутрь, невольно залюбовался картинами на стенах. Те самые образы, что всплывали у мальчика в голове, когда, закутавшись в плед, он, портя глаза от плохого неясного света, вчитывался в мелкий шрифт редких фолиантов, смотрели на него с холстов внимательными добрыми глазами. Вот стоит маг-воин, длинная седая борода почти до колен заткнута за широкий кольчужный пояс. В одной руке меч, в другой уже зарождается огненный смерч, готовый нести смерть и разрушение по велению своего хозяина. Вот и лекарь, склонившийся над смертельно раненым рыцарем. В общем, чего тут только не было. И легендарные огнедышащие создания с расправленными перепончатыми крыльями и острыми, как кинжалы, когтями, и смертоносные морские демоны, переламывающие пополам корабли неудачливых мореходов. Коварные русалки, заманивающие истоско-

вавшихся по женской ласке моряков в свои сети, чтобы утащить на океанское дно. Раскрыв от удивления рот, Фридрих осторожно семенил по начищенному паркету столовой, замороженный, любуясь образами, перенесенными на холст чьей-то умелой рукой. Картины выглядели так реалистично, что казалось, маг или, хуже того, дракон вот-вот сойдет с полотна.

Возле последней картины молодой человек задержался. На старом, выцветшем от времени, но не потерявшем своей реалистичности холсте умелая рука неизвестного живописца изобразила троих мужчин. Первый, высокий молодой красавец с бриллиантовым орденом на груди, смотрел вперед уверенно и непоколебимо. На его гладко выбритом лице играла улыбка, а правая рука, кисть которой была забрана в кольчужную перчатку, придерживала полу ярко-синего плаща. Второй, одутловатый толстяк с добрыми глазами и шикарными усами, был облачен в дорогой парчовый камзол и, подружески обнимая за плечи своего приятеля, держал в руке небольшой томик в коричневом переплете. На плечах толстяка красовался плащ лекаря, черный с оранжевой каймой. Третьим же на этой картине, как ни удивительно, был маэстро Дули собственной персоной. Обычно ссутуленная спина его была выпрямлена, будто учитель проглотил пику, взгляд поражал ясностью и остротой, а на плечах красовался плащ, колер которого был известен каждому мальчишке. Цвет плаща был красный. После этого открытия челюсть у Фридриха

отпала окончательно. Выпучив глаза, он стоял и смотрел на портрет трех мужчин, картину, по-видимому, описывающую дела давно минувших дней.

«Неужели маэстро – боевой маг? – как ураган, пронеслась мысль в мозгу мальчишки. – Рядом с ним лекарь, это я знаю точно, а тот статный господин с бриллиантовой звездой на груди наверняка из благородных. Но если так, то почему учитель, вместо того чтобы гордо носить магический плащ, преподает в сельской школе?»

– Любуешься?

Раздавшийся из-за спины голос заставил Фридриха ойкнуть и подпрыгнуть от неожиданности.

– Да, учитель Дули, – растерянно пробормотал он.

– Чертова сентиментальность, никак не сниму эту мазню, – печально улыбаясь, проговорил маэстро. Очевидно, он зашел в столовую и, осторожно подойдя к Бати, некоторое время молча стоял у него за спиной. – Мы были молоды, глупы и наивны. Сколько мне там лет? А сколько сейчас? Уйма времени прошла! Я уже забыл, как это – надевать плащ огня и разрушения, а затем, взойдя на крепостную стену, раз за разом, минута за минутой отражать магические атаки.

– Но почему, учитель?

– Потому, мой друг, – вдруг повеселев, ответил Дули, – что обстоятельства вынуждают делать то, что должно. Ты слышал что-нибудь о восстании магов?

– Нет, – Фридрих попытался припомнить, но, как ни си-

лился, ничего похожего в голову не приходило.

– И не услышишь. Воспоминания о восстании стерты из памяти человеческой. Все хроники сожжены, и под страхом смертной казни запрещено вспоминать о тех событиях.

– Расскажите, учитель!

– А ты не проболтаешься?

– Что вы! Как можно. Если Фридриху Бати доверить тайну, то он могила!

– Ну ладно. – Дули улыбнулся и потрепал мальчишку по голове. – Я тебе верю. Время до прихода моего старого приятеля у нас есть, так что слушай и не вздумай перебивать.

Радостно кивнув, Фридрих залез на стул и, сложив руки на коленях, приготовился слушать.

– Тридцать лет назад, когда на престоле восседал великий и мудрый король Матеуш Третий, наша страна процветала. Но случилось несчастье, король тяжело заболел и вскоре скончался. Два его сына, ныне здравствующий Антуан Второй и его брат Корион, будучи близнецами, вцепились друг другу в глотки за обладание золотой короной. Вместе с ними и вся знать раскололась на два враждующих лагеря. Антуановцев и корионовцев объединяло одно – жажда власти, но во всем остальном они были различны. Взгляды на торговлю и внешнюю политику, реформы в системе образования и нововведения в сельском хозяйстве, выход к морю... Принц Антуан считал, что нечего ссориться с соседями из-за узкого перешейка, отделяющего Срединное королевство

от большой воды, а Корион, прирожденный торговец и политик, был уверен, что выход к морю необходим стране как воздух... Дошло до сражения, на поле вышли верные принцам полки, и быть бы беде, если бы не вмешались маги. Встав строем между ощетилившимися железом армиями, они три дня и три ночи сдерживали их напор, не давая сойтись.

На великом поле брани вздымались огненные стены и ревели волшебные ураганы. Лекари не успевали латать своих собратьев, а некроманты – поднимать уже мертвых и снова ставить в строй. Только на третьи сутки бесплодных попыток устроить братоубийство принцы встретились и вместе с архимагом, светлейшим Артуром Барбассой, решили сесть за стол переговоров. Но коварный Марик Серолицый, настоящее имя которого давно забыто, решил воспользоваться ситуацией и занять пост своего учителя. Улучив момент среди всеобщей сумятицы, он отравил вино в кубке благородного принца Кориона, и, выпив яд, тот упал без признаков жизни. Вызванный некромант, также подкупленный Мари-ком, заставил труп принца плясать под свою дудку, и мертвец указал на магистра.

После этого собиравшийся убить своего брата, а теперь потерянный и удрученный горем Антуан удалился из лагеря для переговоров, не сказав ни слова, а вечером того же дня вставшая под одни знамена десятитысячная армия тяжелой пехоты, панцирная кавалерия и три роты королевских стрелков в едином порыве атаковали магов по всем фронтам.

Многие полегли, не рассчитав своих сил, или сложили голову, спасая раненого товарища. Светлейшего магистра и еще десять сильных магов, его ближайших учеников, соратников и единомышленников, поддерживавших его во всех начинаниях, взяли в плен. Лишенные своих способностей особым ритуалом, они были умерщвлены путем отсечения головы. Других сослали на дальние рубежи, и всех их лишили силы и навыков, что было равносильно той же смерти от меча или топора.

– А вы там были, учитель?

– Где?

– На поле брани.

– Был. В первых рядах. Я, мой друг Виллус, некромант и звезда курса, а также лекарь Бари, добродушный и вечно улыбающийся крепыш.

– И что же с ними стало?

– Виллус погиб. Увидев, как под покровом темноты к лагерю подходят силы противника, он зазвонил в сигнальный колокол и получил стрелу в глаз. Королевские стрелки бьют точно в цель. Бари, попытавшийся его воскресить, подоспел слишком поздно и, унося тело погибшего товарища на руках, попал в окружение. Он был добряк и балагур, дрался из рук вон плохо, а вот вылечить мог кого угодно, если смерть не за-таскивала своими цепкими когтями несчастного так далеко в бездну, что и думать о воскрешении не стоило. С небольшим пехотным мечом в руках он стоял над мертвым Виллу-

сом и отражал атаки мастеров клинка и кинжала. Как и любой лекарь, он мог излечить всех, кроме себя. Я же находился у шатра магистра и после десятичасового боя, когда земля вокруг превратилась в одну сплошную черную запекшуюся корку, обильно политую кровью, был захвачен в плен вместе с остальными. Жизни меня не лишили, но способность творить магию я утратил навсегда. Старинные охранные амулеты сделаны на совесть. Потом я провел десять лет в темнице и был выпущен на свободу с условием, что никогда не попытаюсь вернуться в Мраморный Чертог. Все воспоминания о той войне под запретом. Вероломство и подлость завуалированы доброй волей, а заградительный кордон магов, чьи кости потом растащили шакалы, назван Восстанием магов. Все сведения о событиях тех лет переписаны, и если ты раскроешь хроники тридцатилетней давности, то не найдешь там ни одного упоминания о братьях, великом сражении и светлом магистре.

– А ваш друг? Ну, тот, что должен прийти?

– Мой друг лекарь Сун в ту пору был в восточных уделах королевства, на границе с кочевыми ханствами степняков, а когда вернулся в столицу, то поспел к шапочному разбору. Его, конечно, тут же арестовали и на всякий случай посадили в каменный мешок, но вышел он спустя два года и долгих восемь лет добивался освобождения опальных магов. Способностей его не лишили, да и лекарь он был преотличный... Многие из тех, что попали в каменные застенки, умерли от

чахотки и туберкулеза, другие от голода и отчаяния закончили жизнь, перегрызая вены на руках. Я же не умер и не сошел с ума только чудом и искренне благодарен лекарю за свое освобождение. Да и потом, не мог же новый король казнить всех магов подчистую, оголив границы, ослабив медицину и розыскную службу, подорвав сельское хозяйство. Те немногие, что присягнули новому королю, были помилованы и приближены ко двору, но, к нашей магической чести, их было очень мало... С тех пор прошло тридцать лет. Друзей своих я оплакал, но не забыл о случившемся и, став школьным учителем в южном пределе, сидя перед камином с бокалом вина в руке, долгими зимними вечерами вспоминаю те памятные события, лица моих товарищей и крошечный ад последней битвы. Кто бы мог подумать, армия людей смогла одолеть подготовленную и хорошо обученную дружину боевых магов, лекарей и некромантов. Даже управляющие стихиями маги участвовали в битве, но от них было мало толку. Неконтролируемые смерчи и проливной дождь вредили не только противнику, но и нам, и, быстро одумавшись, эти маги встали в строй как обычные солдаты... Вот так, малыш, все и было... Но запомни главное, ни при каких обстоятельствах не болтай о делах тех дней. Сболтнешь лишнего, шпионы быстро донесут, и на следующий день ты лишишься головы.

Маэстро замолчал, и в комнате повисла тишина. Ее нарушали лишь тиканье часов да потрескивание поленьев в ка-

мине. А затем кто-то настойчиво постучал в дверь.

Учитель сидел молча, склонив голову и погруженный в себя, а ошарашенный от услышанного Фридрих только открывал рот, но, лишенный дара речи от удивления, мог разве что бессвязно бормотать.

Стук в дверь участился и стал похож на барабанную дробь.

– Учитель, учитель, – Бати потянул прогуженного в мысли Дули за рукав. – В дверь стучат.

– Ох уж эта моя рассеянность! – стряхнув пелену задумчивости, маэстро вскочил со стула и рысью понесся в прихожую открывать дверь.

– Сун, дружище! – донеслось с порога. – А мы уж тебя ждем не дождемся.

– А дверь не открываете, – послышалось добродушное ворчание клирика. – Стучу, стучу. Думал, все ушли куда-то, а ты тут как тут. Ну, давай, веди обедать, а то есть хочу так, что жрать хочется.

– Сун, познакомься, – Дули толкнул дверь в столовую, и на пороге показался высокий длинноволосый уроженец степей с круглым, желтым лицом. Магического плаща на нем не было, вместо него лекарь носил кожаную куртку, высокие сапоги для верховой езды и мягкие холщовые брюки с зелеными лампасами. – Это тот самый мальчик, о котором я говорил.

– Значит, это ты, Фридрих, – гость уверенно прошел впе-

ред и протянул замершему от восторга мальчугану сильную широкую ладонь. – Ну, будем знакомы. Сун Ари меня зовут. Сам я из степей, людей лечу.

– А я Фридрих, – расплывшись в глупой улыбке, протянул руку сын фермера, не сводя с гостя восторженного взгляда. – Вот только школу закончил. Сам с юга...

Маленькая ладонь Бати исчезла в широкой руке Суна, и тот, расхохотавшись, только покачал головой.

– А ты, смотрю, не робкого десятка. Я же маг... Если кто мне не понравится, в лягушку превращу.

– Как же так, – опешил Фридрих и на всякий случай попятился к выходу. – Вы же лекарь. Они лечат, а не превращают. Превратить может некромант, повелитель стихий, но не лекарь и не боевой маг.

– А ты откуда знаешь? – Сун уселся на стул и, закинув ногу на ногу, хитро прищурившись, посмотрел на Бати.

– Читал, – смущенно признался тот. – Маэстро Дули дал книги, а я их читал, потому знаю и про магов, и про королевство наше, от северных до южных пределов.

– Вот это да... Вот это парень, – лекарь восхищенно покачал головой, а затем вопросительно посмотрел на учителя. – В мальчике что-то есть, Дули. Клянусь своим плащом, он предрасположен, но вот так ли это, или это лишь призрак магического таланта, можно сказать только проверив.

– Так проверяй, – уверенно кивнул маэстро. – Я же сам не могу, и ты это отлично знаешь.

Сун пожал плечами и вновь обратился к притихшему Бати.

– Знаешь, Фридрих, что мы сейчас собираемся сделать?

– Могу только догадываться, – наивно пожал плечами тот.

– Мы с учителем, – Сун откашлялся в кулак, – хотим проверить тебя на предрасположенность к магии. Наличие ее, между прочим, совсем не означает, что ты когда-нибудь станешь магом и сможешь творить заклятия, создавая формулы и блоки. Многие живущие в королевстве могут быть предрасположены, как и ты, но постичь даже азы искусства им не суждено. Ну что, попробуем?

– А больно будет?

– Нет, что ты! – в притворном ужасе замахал руками степняк. – Я только положу тебе на голову руку после чего смогу прислушаться к твоему внутреннему «я». Все мы, предрасположенные к магии, способны отличить собрата, вот только многие не умеют этого делать. Лекари же этому обучаются в университете, и одной из задач, поставленных перед всеми королем, является поиск мальчиков и девочек с потенциалом, затем вручение им рекомендательных писем для поступления в Магический университет в столице.

– Поступление в университет, – от восторга Фридрих вновь затаил дыхание и, не веря своему счастью, уверенно затряс головой. – Тогда проверяйте.

– Осторожно, мальчик, – маг поднял указательный палец вверх. – Перед тем, как соприкоснуться с твоим внутренним

«я», я обязан тебя предупредить. Войдя в ментальный контакт, я сразу узнаю все твои тайны, мысли и желания. Все, даже самые порочные и сокровенные. Готов ли ты довериться мне настолько?

Фридрих вдруг покраснел и исподлобья посмотрел на собравшихся в комнате мужчин.

– Учитель, – прошептал он. – Что же делать?

– У вас, значит, есть тайны? – Сун усмехнулся и вопросительно глянул на своего старого приятеля.

– Ты о том, о чем я тебе рассказывал, Фридрих? – задал прямой вопрос Дули.

– Это вы о чем?

– Я рассказал мальчишке о Восстании магов.

– Сдурел, старый пень! – маг вскочил из-за стола и, нахмутив брови, начал надвигаться на Дули с кулаками. – Со всем тебя на природе без темницы и крыс растащило? Хочешь мальчишку сгубить, а заодно и нас подвести под топор?

– Спокойно, дружище, – виновато улыбаясь, бывший боевой маг выставил перед собой руки и принялся отступать в сторону кухни. – Мальчишка не выдаст. Он из наших, думающих и идейных.

Лекарь вдруг остановился и, оглянувшись через плечо, впился взглядом во вдруг побледневшего Бати. Тот, последовав примеру учителя, попятился, но вдруг ощутил во рту странный металлический привкус и, охнув, уселся на стул. Ноги, в один миг став ватными, отказались слушаться хозя-

ина.

– Ну, так что? – все еще грозно хмурясь, поинтересовался Сун.

– Клянусь здоровьем родителей, – пискнул Байк, сглатывая набежавшую слюну. – Не выдам ни при каких обстоятельствах.

– А все твои картины, не иначе. – Подойдя к висящей в самом углу работе неизвестного мастера, клирик остановился и окинул ее взглядом. – Снял бы ты ее от греха подальше. А если проверка из Мраморного Чертога заявится, взглянуть, как местный учитель тратит казенные денежки, и не ровен час наткнется на это художество?

– Не могу, – смущенно заламывая руки, признался бывший маг. – Это единственная память о них. Ты не представляешь, чего мне стоило найти человека, чтобы тот по памяти написал этот холст.

– Да. – Губы Суна сложились в одну узкую черту. – Давно это было, а все как наяву. Помнишь, как вы себя называли?

– Да кто такое забудет? Братство магов. Старый студенческий ритуал, и друзья на всю оставшуюся жизнь.

Отойдя от картины, лекарь уселся за стол рядом с Бати. Черты лица Суна вновь смягчились, из его голоса исчезли резкие холодные нотки:

– Ну так что, парень, будем тебя проверять?

– Будем, – немного отойдя от случившегося, произнес слабым голосом Фридрих. – Еще как будем!

– Ну, вот и славно, вот и хорошо, – узкие губы степняка изогнулись в приветливой улыбке. – А как закончим, так сразу и за обед. Запахи, что доносятся с кухни, сведут с ума любого гурмана, а голодного мага в особенности.

Глава 4

В день собеседования Фридрих проснулся раньше обычного и обнаружил своего приятеля сидящим на соседней кровати – он уставился в стену затуманенным взором.

– Уже проснулся? – удивленно поинтересовался он у любившего поваляться в постели Марвина.

– Я не ложился, – пояснил тот и, вяло поправив челку перевел взгляд на Бати. – Мысли дурные в голову лезут. Как закрою глаза, так сразу и накатывает.

– Что?

– А если не получится? – Марвин Байк шмыгнул носом и, сев по-турецки на постели, набросил на плечи тонкое шерстяное одеяло. – Знаешь, Фридрих, я родился и вырос в семье кузнеца. Дед мой, знатный мастер железных дел, известен далеко за пределами юга. Отец, как и его родитель, родился с молотом в руке. – Взгляд Марвина сместился на узкое грязное окошко под потолком, единственный источник света в крохотной комнате на чердаке, на которую у них с Байком хватило денег. – Но я хочу большего, понимаешь? Мне не нравится с утра до ночи махать молотом, исходя потом, заливающим и щиплющим глаза. Мне не по нутру стоять за мехами и по окрику старших «поддавать» до кровавых мозолей. Ростом и статью я не вышел, и в армию меня вряд ли возьмут.

– И когда тебя отметил маг...

– ...я возликовал. – Байк горячо закивал головой и, поправив сползшее с плеч одеяло, повернулся к другу. – Но если мне откажут, куда мне идти? Куда податься? Я же, кроме того, чтобы молотом махать да стоять на кузнечных мехах, ничего не умею!

– А школа? – удивился Фридрих и, свесив с кровати босые ноги, зябко поежился. – Ты же знаешь грамоту! Если магом стать не получится, поступишь в университет при городском магистрате Мраморного Чертога.

– Чудак ты человек! – Марвин с сожалением посмотрел на приятеля. – Чтобы туда поступить, надо ой как много знать. Отец мой, когда еще был маленький, рассказывал, будто раньше в школе учили не только грамоте и счету. Зубрили языки, преподавали каллиграфию и ораторское искусство. Стихосложение и танцы так вообще были двумя обязательными предметами. Давались они не всем... Но после каких-то событий, произошедших в столице, все это учить перестали. Однако знания нужны, и их спрашивают, требуют у каждого претендента, а получить их можно только наняв маэстро за звонкую монету. Только откуда в семье кузнеца лишние деньги? Читать-писать умеешь, и то хорошо. Живем мы безбедно, но того, что зарабатывают старшие, хватает лишь на сытный ужин, теплый дом, конюшню да обновки по весне. Все остальное идет в казну его величества Антуана II.

Зевнув и поднявшись с кровати, Бати босыми ногами про-

шлепал до койки приятеля и, присев на край, хлопнул того ладонью по плечу.

– Эй, Марвин? Что за уныние? Мы с тобой в столице, живы, здоровы и отмечены магами как одаренные. Что может быть лучше?

– Быть отмеченным не значит иметь дар или талант. – Байк в сомнении закусил губу. – Ты вообще представляешь себе, сколько народу из тех, что стояли с нами в одной очереди у ворот, намотав сопли на кулак, отправится восвояси и вернется к привычной, серой и обыденной жизни? Маги, они народ не простой. Университет получает деньги из королевской казны, а там за каждую медную монету строгий отчет. Если по поводу тебя возникнут хоть малейшие сомнения – прости-прощай Мраморный Чертог, здравствуй отчий дом и ненавистная кузня.

– Ох, не понимаю я тебя. Ну зачем, спрашивается, себя накручивать в самый ответственный день? – Пожав плечами, Фридрих встал с кровати и, скинув с плеч вытертое шерстяное одеяло, начал надевать штаны. – Давай лучше спустимся пораньше в обеденный зал. Перекусишь, в желудке станет тяжело, а на душе полегчает. Сытое брюхо и не такие дурные мысли разгоняло.

* * *

Быстро одевшись, друзья умылись холодной водой из боч-

ки во внутреннем дворе и уже в приподнятом настроении принялись за обе щеки уписывать скромный, но сытный завтрак, запивая его из больших кружек яблочным компотом.

Как и предсказывал Фридрих, горячий завтрак, яичница с беконом и луком и пара кусков доброго ржаного хлеба, развеял ночные страхи и сомнения.

День и вправду был особенный. Яркое приветливое солнце на небосклоне припекало, говоря о том, что не за горами теплые летние дни, а щебет пригревшихся под ласковыми солнечными лучами птиц заряжал бодростью на весь день.

С Диком-некромантом, который навел шороха в «Жареном гусе» в первый день их знакомства, они больше не виделись. Но Фридрих обрадовался, когда через пять минут, после того как друзья приступили к трапезе, входная дверь скрипнула и на пороге появился весельчак и балагур Дик в форменном плаще, с недельной щетиной, грозившей в любую секунду превратиться в бороду, и озорным блеском в глазах.

– Здорово! – прогрохотал он с порога и, помахав завтракающим мальчишкам, направился к их столику. – Не возражаете?

– Конечно, Дик, присаживайся. – Фридрих с готовностью выдвинул свободный стул, и, присев, Дик, заказал себе завтрак. – Ты как? Парень с твоего курса приходил, говорил, что ты наказан...

– Дела давно минувших дней, – облокотившись на спин-

ку стула, Дик усмехнулся и скрестил руки на груди. – Поработал в анатомическом театре магистра, заполнил горы документов и даже переписал пару его работ по прикладной некромантии. Бывало и хуже. Но, я смотрю, вы в приподнятом настроении? Так оно и должно быть.

– Слушай, Дик, – Фридрих отодвинул от себя тарелку и наклонился к уху молодого мага. – Вот ты так же проходил собеседование, как и мы? Что у нас спрашивать-то будут? Сложение и вычитание? Письмо?..

Тем временем перед молодым магом появилась большая, пышущая жаром и распространяющая сногшибательные ароматы жареного картофеля и грибов чугунная сковорода, и, не дождавшись конца фразы, некромант с аппетитом принялся за еду.

– Да пустяки, – отмахнулся студент, отправив большую ложку грибов с картошкой в рот и потом отхлебнув из большой глиняной кружки пенистого кваса. – Конечно, выяснят, умеете ли вы читать манускрипты и рассчитывать заклинания. Без математики, чтения и письма в академии никуда. Но главное – испытание на пригодность.

Затаив дыхание, друзья подвинулись к давящемуся в спешке студенту.

– А что это за испытание? – осторожно поинтересовался у шурящегося от удовольствия некроманта Бати.

– Само важное... – отхлебнув кваса, Дик хитро усмехнулся и бросил косой взгляд на приятелей. – Есть в дальнем уг-

ду за вещевыми складами дощатый сарай с обветшалой крышей. Что там хранится, наверное, и великий магистр Серолицый не знает. Прошедший испытание по школьным наукам входит в сарай, а выйти должен через другие, задние двери, где его будут ждать маги. Задание у каждого свое. Кого ни спроси, что-то новое поручают, но главное, по ответам соискателя маги поймут, годен ли ты для университета или только зря отнимаешь их время.

– А что у тебя было, Дик? – воскликнул заинтригованный Фридрих.

– И что ты видел в сарае? – вторил ему Марвин, нервно елозя подошвами стареньких ботинок по дощатому полу – Что? Расскажи, жалко тебе, что ли?

– Не жалко, конечно, – Дик быстро справился с завтраком и теперь, сыто отдуваясь, сидел напротив друзей и смаковал квас маленькими глотками. – Вот только не поможет это вам. Задание у меня было простое – нарвать яблок. Я зашел в сарай, недоумевая, откуда там взяться хоть одному плодovому дереву. Отец мой держал сад, и жили мы с продажи фруктов, так что где искать яблоки, я знал отлично. Сарай, старый, сырой и мрачный, для этих целей подходил мало. Ступив на заваленные сеном прогнившие доски пола, я... я... – Дик замялся, будто силясь что-то припомнить, но вдруг отрицательно замотал головой. – Было страшно. Страшно не оттого, что было там внутри, а из-за того, что стремилось вырваться из меня наружу. Казалось, когда я переступил по-

рог, то в глубине моего сознания что-то проснулось. Тогда, разумеется, я этого понять не мог и дошел до этих мыслей несколько лет спустя... Потом была чередой дверей, маленьких и больших, с железными и деревянными ручками, и за каждой из них было новое, непонятное и непередаваемое на словах. До последней двери я добрался чуть живой и, кажется, постарел лет на пять. Время тянулось, как патока...

– А яблоки? – задал, как ему показалось, глупый вопрос Бати, но Дик не смутился. Взглянув на показавшееся дно кружки, он положил перед собой несколько медных монет и, сыто рыгнув, поднялся из-за стола.

– Яблоки? Ну да, конечно. За сараем оказалось дерево, самая обычная яблоня поздних сортов. Взобравшись по веткам почти на самую верхушку, я нарвал яблок и, завернув их в рубаху, отнес четырем магам, которые, сидя на стульях, с интересом наблюдали за мной со стороны. Один из них, высокий худой старик с черной бородой и глазами, будто угли из камина, надкусил одно и, поморщившись, бросил на землю. «Кислое, – произнес он тоном, не допускающим возражений. Потом положил мне ладонь на голову и спросил: – Что ты видел?» Я как мог подробно описал все, что со мной приключилось. Переглянувшись, четыре декана факультетов посоветовались между собой, а потом тот, что пробовал яблоко, указал куда-то в сторону главного здания университета длинным сухим пальцем и произнес: «Ты зачислен, юноша. Но мы видим у тебя внутри неводержанность и горячность.

В будущем они могут принести тебе немало проблем».

Дик замолчал, погрузившись в собственные мысли и скрепив руки на груди.

– А дальше? Дальше что?

– Дальше, – молодой некромант хохотнул и, развернувшись на каблуках, направился в сторону выхода. – Так я стал учиться в Магическом университете в славном городе Мраморный Чертог.

Входная дверь хлопнула, оставив Марвина и Фридриха одних.

– Ты что-нибудь понял? – скосив глаза в сторону входа, поинтересовался Бати.

– Ничего. А ты, Фридрих?

– Тоже ни капельки.

Глава 5

Грохот лошадиных копыт гулким эхом раскатился по ущелью, и к переправе вылетело четверо всадников. Грязные, с налипшими на лоб потными волосами и с блуждающими взглядами, они остановились около коновязи и начали спешиваться, кряхтя и бряцая доспехами.

Паромщик на другом берегу реки, видимо, дремал в этот предрассветный час, потому путникам пришлось долго кричать, прежде чем тот пришел в себя и, выбравшись из теплой постели, поспешил к вороту своего парома.

– Нож бы ему под ребро, – скривил брезгливую мину сухой поджарый воин со светлыми волосами, которые от грязи и пота висели сосульками. Он попытался запустить руку под доспехи. – Блохи, грязь, пыль. Ни еды нормальной, ни баб. Аскольд, банши тебя побери, я не видел теплой ванной уже неделю... И это ты называешь простой работой?

Высокий широкоплечий воин, укутанный с головы до ног в походный плащ с меховым подбоем, покосился на светло-волосого, поправил меч на поясе и устало прислонился к коновязи.

– Я устал так же, как и ты, Барт, – сквозь зубы пробормотал он. – Но дело, думаю, стоит тех денег, которые тебе заплатили.

– Заплатят, – воин развернулся к Асколду влоборота,

выставив на всеобщее обозрение длинный белый шрам, пересекающий скулу и уходящий по шее под доспехи. – С тех пор, как этот выживший из ума старикашка вручил нам бумаги, с которыми ты нянчишься, как с писаной торбой, я не видел и признаков золота, которое он нам обещал.

– Во имя разума, чего ты хочешь? – Аскольд набычился и, выпятив грудь колесом, сверху вниз посмотрел на недовольного компаньона. – Если тебя что-то не устраивает, вали на все четыре стороны. До поселка, что мы проехали ночью, всего пять часов пути. Там ты найдешь девчонок, воду и постель.

– А деньги, деньги, Аскольд? Не для того я прошел через горный перевал и чуть было не утонул в торфяных болотах, чтобы уйти без расчета!

– Командор, остынь, – остановил дернувшуюся к рукояти меча руку Аскольда шагнувший к спорящим рыжебородый детина с золотой серьгой в ухе. – Дай Барту расчет, и пускай убирается ко всем чертям. От его нытья жизни нет, а втроем мы пересечем пустоши много быстрее. Да и ищут-то наверняка четырех всадников, а мы их обманем и прибудем втроем.

Аскольд в сомнении закусил губу, но, чуть поразмыслив, кивнул и, откинув плащ, сорвал с пояса один из четырех кожаных кошель и швырнул его в улыбающееся лицо Барта.

– Проваливай, наемник, – процедил он сквозь зубы, наблюдая, как светловолосый ловко перехватил левой рукой

летающий в него снаряд и быстро спрятал его за пазуху – Я постараюсь сделать так, чтобы больше никто не воспользовался твоими услугами. Гнилой ты человек и ленивый.

– Как знать, как знать, – не дождавшись, пока троица опомнится, Барт расхохотался и, вскочив в седло уставшего от долгой дороги коня, развернул его и, ударив пятками по бокам измученного животного, поскакал в обратном направлении.

– Он предаст нас, командор, – вдруг заговорил до этого молчавший третий. Скинув капюшон, скрывающий его лицо, он подошел к командору и рыжебородому и указал в сторону быстро удаляющейся к лесу фигуры всадника. – Аскольд, Нирон, я давно знаю вас. В каких только передрягах мы с вами не побывали за это время, и не бывать бы Барту в нашей команде, если бы Илой не слег. И, главное, как удачно этот Барт подвернулся. Стоило Илою съесть то злополучное жаркое в трактире, как Барт – тут как тут.

– И что же ты предлагаешь сделать? Время и так поджимает. – Командор нахмурился, глядя, как неспешно и неторопливо к ним с противоположного берега приближается тяжеловесный грузовой паром.

– Пустить ему кровь, – просто пожал плечами третий. – Земля вздохнет с облегчением, если эта гниль перестанет топтать ее своими сапогами.

– Суни верно говорит, командор, – пробасил рыжебородый Нирон, тряхнув густой шевелюрой. – Да и господин на-

ниматель на него не очень приветливо смотрел. Он вроде как маг, а у них на это нюх еще тот.

– Хорошо.

Гулкий удар досок о бревна означал, что переправа, наконец, прибыла. Подхватив пегого жеребца под уздцы, Аскольд кивнул соратникам.

– Ты, Суни, отправляйся за ним и проследи, чтобы Барт не сунулся к страже или кому похуже. Увидишь, что решил донести, ты знаешь, что делать. Мы же пойдем дальше на север, в обход степи к столице. Будем двигаться маршевым темпом, так что справишься и, если загонишь пару лошадей, легко догонишь нас в пути. Если же время будет поджимать, пойдем прямо через пустошь... хотя чует мое сердце, что так и будет.

– Хорошо, командор, так тому и быть.

Кивнув воинам, ведущим лошадей на приставший к пристани паром, Суни одним ловким движением вскочил в седло и, развернув коня, ударил тому пятками по бокам. Усталая скотина всхрапнула, выпучив глаза, и некоторое время пританцовывала на месте, силясь понять, шутит ли хозяин или вправду решил продолжить путь, но новый удар по ребрам возымел свое действие, и, сорвавшись в галоп, конь помчался по торному тракту, расшвыривая копытами размокшую от дождя и тумана глину.

– Благородные господа собираются переправляться, или у них тут свидание? – заспанная физиономия паромщика по-

явилась из палатки на борту, и, подняв над головой фонарь, он осветил лица пассажиров.

– Свидание окончено, паромщик, – покачал головой командор. – Сколько стоит переправа?

– По серебряной монете за человека и по десять медяков за коня.

– Да это грабеж среди бела дня! – Возмущенный Нирон, грозно тряхнув бородой и сжав кулаки, пошел на зарвавшегося мужика. – Мало того, что эта мокрица над нами издевается, так еще и ограбить хочет.

Воин уже вознамерился ударить по наглой, заросшей щетиной и давно уже не мытой физиономии паромщика, как вдруг рука Аскольда зацепила его за пояс.

– Совсем сдурел, – злобно зашипел тот на бородача. – Стрелков не видишь?

– Благородный господин говорит правду, – паромщик оскалился, показывая редкие гнилые зубы, и довольно захихикал. – Я и мои мальчишки всегда при деле. – От палатки отделились двое крепких парней в длинных холщовых рубахах и, встав на колени наизготовку, выставили взведенные арбалеты. – Но если господ не устраивает плата, то в тридцати лигах вниз по реке есть мост. Он абсолютно бесплатный.

– Разорви тебя на части, паромщик, – командор сплюнул в грязь и принялся отсчитывать монеты в грязные трясущиеся ладошки вымогателя. – Мы торопимся и потому будем платить, но если бы не поджимало время, я первый бы плю-

нул тебе в морду и, развернув коня, проскакал до моста.

Аскольд лукавил. Переправа, которой они должны были воспользоваться, была единственной безопасной во всей округе. Выше по течению засела банда разбойников, числом не менее ста. Это были по большей части беглые с рудников его королевского величества. Они не щадили ни стариков, ни детей, а уж наемников, увешанных мечами и зачастую при деньгах, не выпустили бы из своих лап ни за какие коврижки. Местные власти пытались поймать негодяев, но те хорошо прятались, устраивали вылазки да чинили трудности обозам с провизией. Поговаривали даже о том, что вскоре придет рота тяжелой панцирной пехоты из самого Мраморного Чертога, чтобы раз и навсегда положить конец этому безобразию. Но время шло, разбойники занимались грабежом и вымогательством, а помощь из столицы не спешила.

Мост же, о котором упоминал гнилозубый вымогатель, действительно находился всего в тридцати лигах вверх по течению, но добраться до него значило вновь огибать смердящие торфяные болота по полуразрушенной гати, а потом проезжать сквозь пограничный городок, набитый стражниками короля и вездесущими соглядатаями.

У Аскольда было важное дело, за выполнение которого старый некромант обещал неплохую плату, способную помочь старому воину отойти от дел и, наконец, купив домик ближе к столице, зажить спокойной и обыденной жизнью.

Вручая длинный черный тубус, невероятно тяжелый для

бумаг, находящихся в нем, он передал командору четыре кожаных мешка, набитых золотом, и произнес:

– Прибудешь в Мраморный Чертог. Там заселишься в гостиницу «Жареный гусь» около южных ворот и будешь ждать моего человека.

– Кто заберет твои бумаги и выплатит мне остальное жалование? – поинтересовался Аскольд, отлично понимая, что в мешочках далеко не вся сумма.

– Не стоит беспокоиться, наемник, – криво усмехнулся седой старик. – Все будет, как я обещал. Ты только довези бумаги в строжайшем секрете от королевских ищеек. Если груз останется в целости к концу путешествия, мой человек утроит цену.

Глава 6

Нестройная шумная очередь перед воротами университета растянулась на пол-улицы, и друзьям, решившим, что они придут первыми, пришлось пристраиваться в самый конец. Процедура прохода претендентов была проста. Подойдя к сторожке, где дежурил один из студентов, юноша или девушка, претендент протягивал подорожную и рекомендательное письмо. Молодой маг важно кивал, отмечая что-то в списках, и пропускал соискателя за ворота. В случае же если фамилии кого-то не было обнаружено – многие из поступавших пытались пролезть без очереди, – хитреца выталкивали за ворота взащей и вычеркивали из всех списков.

– Жаль, что Малькома нет, – вдруг пожаловался Байк, нервно озираясь по сторонам. – У него, небось, как всегда, сдоба, вкусная-превкусная.

– Ну, ты даешь! – изумился Фридрих, в который раз поправляя прическу и воротник парадной рубахи, заботливо положенной его матушкой на самое дно вещевого мешка. – Час назад ты съел яичницу и снова есть просишь!

– Это нервное, – смутился Байк, прислушиваясь к разыгравшейся в животе баталии. – Когда я сильно нервничаю, не боюсь, а переживаю, иногда такой голод находит, что хоть все бросай и садись обедать.

Время шло, и длинная очередь мерно втягивалась в во-

рота. За время ожидания она выросла почти до поворота на улицу Кожевников, и Фридрих порадовался, что ранний подъем и завтрак подарили им возможность стоять не в самом конце. Тем не менее он завистливо наблюдал, как смущающиеся и краснеющие счастливики, не ведая своей судьбы, проходили за тяжелые, окованные железом ворота Магического университета.

Через несколько часов тягостного ожидания и неспешных крохотных шажков подошла очередь Фридриха.

Шагнув вслед за невысоким сутулым пареньком, Бати остановился перед будкой и робко заглянул в полукруглое окошко, в котором виднелось лицо усталого старшекурсника в зеленом плаще.

– Назовитесь и передайте подорожную и рекомендательное письмо, – скороговоркой произнес тот давно уже заученную фразу.

– Фридрих Бати, – ответил Фридрих и быстро сунул документы в окошко.

– Бати, Бати, – парень в зеленом плаще начал неспешно перелистывать толстый талмуд с записями и под конец, закрыв его, вернул документы сквозь открытое окно. – Нет тебя, проваливай.

– Как нет? – чуть было не потерял дар речи Фридрих, растерянно хлопая глазами. – Но... Но мы... Вот хоть у Марвина спросите. Мы с ним записывались в один день!

– Нет, и все, – сморщился студент-старшекурсник так, как

будто у него под носом вдруг оказалась дохлая крыса. – Проваливай, говорю, или вытолкаю взащей, а заодно внесу в черный список. И без тебя дел невпроворот.

Опустошенный и расстроенный, повесив голову и комкая в руках бумаги, Бати поплелся прочь от ворот. Стоящий сразу за ним Марвин подбежал к приятелю.

– Ты куда?

– Не знаю, – не понимая, что произошло, признался сын фермера, пустым взором глядя куда-то в самый конец очереди. – Меня нет в списках.

– Как это нет? – пришла очередь удивляться Байку.

– А вот так, – развел Бати руками. – Не нашли меня.

– Может, плохо искали?

– А ты пойдди, докажи.

– Следующий, – раздался гневный окрик из будки. – Кто там настолько глуп, что собирается заставить ждать господ магов.

– Ты это, – смутился Марвин, с опаской поглядывая на будку, – извини. Но мне...

– Да иди уж, – зло махнул рукой Бати. – Чего извиняться. Видать, нечего мне было и пытаться с моим-то свиным рылом. Бывай.

Уже начавшая возмущаться задержкой очередь притихла. Плетясь и волоча ноги, Фридрих брел мимо счастливых претендентов, ощущая на себе их взгляды. Кто-то смотрел на него с недоумением, кто-то с сочувствием, но больше все-

го было ехидства и злорадства. Еще бы, вышел из игры еще один претендент, освободив другим дорогу. Мест-то в Магическом университете не так чтобы много. Берут самых лучших, из тех, кто пришел раньше. Неумех и опаздывающих вообще нигде не любят.

Будто пьяный, Фридрих шел вдоль забора университета, шатаясь и упираясь в забор рукой, пока до боли знакомый голос не вырвал его из пучины страданий.

– Эй, парень, ты куда? Вход с другой стороны.

– Дик, миленький, – Бати судорожно вцепился в рукав оторопевшего некроманта. – Что делать? Меня в списках нет!

– Как нет? – опешил молодой маг. – Я же собственными глазами видел, как Мальва записывал тебя, – Дик осекся на полуслове и в сомнении закусил край нижней губы. – Приятеля твоего, Марвина, пропустили?

– Пропустили, – чувствуя, что сейчас разревется, всхлипнул Фридрих. – А меня нет...

– Тише, пацан, не разводи сырость. Чувствую, Мальва, паршивец, подумал, что мы с тобой приятели, и решил тебе насолить, ну а под эту лавочку и мне заодно. Мы же с ним с первого курса на ножах.

– Так мы и есть приятели! – в голос завыл Фридрих, хлюпая носом. – Разве не так?

– Да так, тише ты. Не мешай, я думаю.

– О чем? – уже в голос заревел Фридрих. – Дик, милень-

кий, помоги. Если ты сейчас ничего не придумашь, придется мне домой возвращаться. Вот отец разозлится, высечет или, того хуже, отправит на дальнюю ферму...

– Тише! – Дику пришлось даже прикрикнуть, чтобы Фридрих унялся, и пока некромант в задумчивости расхаживал вдоль забора, тот тихо стоял рядом и, вытирая рукавом парадной рубахи слезы, с надеждой посмотрел на молодого мага. – С Мальвой я разберусь отдельно, – процедил сквозь зубы некромант. – Теперь по существу... Сквозь ворота тебе не пробиться, даже если выпустить тебя в них из катапульты. Они для того и поставлены, чтобы не пропускать нежеланных гостей. Так, у тебя штаны есть?

– С утра были. – Фридрих удивленно уставился на ноги, одетые в чистые, слегка залатанные штаны, подпоясанные длинной витой веревкой.

– Замечательно. Снимай.

– Дик, миленький, – вновь забормотал Фридрих, готовый снова разревется. – Куда же я без штанов? Меня же стражники остановят.

– Навязался на мою голову, – печально вздохнул маг-студент. – Говорю, скидывай штаны, значит, скидывай. Сейчас я тебе один фокус покажу, за счет которого многие поколения учащихся без особых хлопот выбирались в город, чтобы навестить девицу или попить пива в теплой компании.

Делать было нечего. Печально вздохнув и, в который раз, вытерев покрасневший от слез нос, Фридрих начал развязы-

вать узел на веревке. Сняв свои единственные парадные штаны, он, стыдливо прикрываясь ладошкой, протянул их абсолютно серьезному Дику.

– Давай. – Бросив драгоценную одежду на землю, некромант принялся прыгать по ней, приводя в совершенно непотребный вид.

– Ты чего, – взвизгнул Фридрих. – Они же у меня одни такие. Их еще дед мой носил, и смотри, совсем как новенькие.

– Найдешь время, постираешь. – Взяв безнадежно испорченные штаны, Дик перекинул одну штанину через забор и быстро отскочил, осыпанный ворохом искр охранной магии. – Полдела сделано, – заявил он, наблюдая, как от штанов повалил густой черный дым. – А ну, чего стоишь? Дуй сюда.

Ничего не понимающий юноша подбежал к некроманту.

– Что делать? – испуганно пискнул он.

– Ставь ногу сюда. – Дик присел и положил на колено сцепленные руки. – Как станешь, я досчитаю до трех и подкину тебя над забором. Смотри не зацепись за верхушку. Надо было бы, конечно, с недельку потренироваться на брусьях, но времени нет. Не вздумай зацепиться за верхушку забора! Ни в коем случае. Лучше лицом о камни. Как перелетишь, хватайся за штанину, что с той стороны, я ухвачусь за эту. Не вздумай сразу прыгать на землю, иначе заклятие достанет тебя. Приложит, конечно, не так сильно, как на вершине, но икать будешь долго. Ну, живее, портки твои сейчас прогорят.

Выдохнув, Фридрих разбежался и прыгнул на подстав-

ленные руки Дика, а после рывком оказался над краем забора. Время будто замедлилось. Искры старого и надежно-го заклинания защиты, не позволявшего врагу прорваться внутрь, щадили перелетных птиц, присевших отдохнуть на удобный насест. Почувствовав, что сквозь него прорывается не человек, магия легонько ударяла пернатых гостей, и они, испуганные, улетали восвояси, ища более гостеприимное место. На эту брешь в обороне и рассчитывал Дик. Если бы защитное заклятие распознало, что за ограду перебрался нарушитель, то, усиленное стократ, обрушилось бы на несчастного молниеносным магическим бичом.

Едва не задев опасный верх забора, Фридрих камнем устремился вниз и в последний момент, извернувшись каким-то чудом, уцепился за штанину. Позднее он вспоминал это событие как нечто из ряда вон выходящее, думал, анализировал и все никак не мог прийти к решению, откуда у него в тот момент взялась эта фантастическая ловкость. Марвин намекал на то, что в критические моменты в организме можно найти скрытые внутренние ресурсы, но все это так и осталось теорией.

– Висишь? – поинтересовался вцепившийся в штаны с другой стороны некромант.

– Висю, – признался напуганный Бати. – Только паленым пахнет, и я чувствую, что долго не продержусь.

– Вот же ловкий, мерзавец, – восхитился Дик с другой стороны забора. – У меня в свое время только с пятого раза

получилось. Лицо, помню, в кровь разбил.

– Дик, а что делать дальше? Уже можно прыгать вниз?

– Можно, но не вниз, а как можно дальше. Упрись ногами в забор и прыгай вперед ласточкой, а я тебе штаны перекину.

– Дик, – молодой человек с сомнением посмотрел на раскинувшиеся вокруг кусты шиповника. – Там колючки!

– Значит, так, Фридрих, – начал злиться некромант по другую сторону забора. – Вниз тебе нельзя. Шибанет так, что маму родную перестанешь узнавать.

– А что же ты раньше не сказал?

– Чтобы не трусил.

– А я и не трусил!

– Ой, ну да ладно тебе заливать. Кто буквально пять минут назад ныл как девчонка?

– Это другое, – возмутился Фридрих, изо всех сил цепляясь за штанину и подобрав под себя голые ноги. – Я от обиды ревел, а не от страха.

– Слушай, Фридрих, ты в университет поступать будешь?

– Да.

– Значит, сигай в кусты. К тому же штаны уже дымятся.

Еще минута колебаний, и они развалятся на две части.

– Эх, была не была. – Молодой человек зажмурился и, что есть силы оттолкнувшись от смертоносного забора, прыгнул вперед. – Ой! – Острые шипы кустарника больно впились в голые ноги и лицо. – Ой, больно!

– Штаны лови. – Открыв глаза, Фридрих увидел, как без-

возвратно испорченные штаны приземлились ему на голову.

– Поймал. Пачкал-то зачем?

– Чтобы было больше сопротивления. Главное – не мочить.

Быстро выбравшись из колючей ловушки на посыпанную битым кирпичом дорожку кампуса, Бати с сожалением посмотрел на огромную дыру, прожженную в штанах охранным заклинанием.

– А что дальше делать?

– Дальше? Беги что есть духу вдоль забора, пока не покажется лужайка, окруженная елями. На ней шатер, а в нем сидит секретарь.

– А если по пути попадетсЯ кандидат?

– Дай ему по шее.

– Нет, – завязывая узел на веревке, покачал головой Бати. – Я так не могу, чтобы по шее ни за что.

– Господи, – воскликнул некромант и, по-видимому, начал биться головой о доски забора. Характерный размеренный стук со стороны улицы Кожевников был лишним тому подтверждением. – Ну откуда ты такой навязался на мою голову? Не хочешь драться, так просто обгони. В конце концов, можешь засесть в кустах и дожидаться перерыва.

– Вот!

– Замолчи и слушай, или не интересно?

– Да слушаю я, слушаю. – Фридрих боязливо огляделся по сторонам, но, к счастью, кампус в это время пустовал, а пре-

подаватели в этой части университетского сада появлялись крайне редко.

– Добежишь до шатра, отдашь бумаги и бегом на собеседование. Ты меня понял?

– Понял.

– Тогда бывай. Встретимся вечером, и, главное, помни: теперь ты мой должник.

– Даже не сомневайся, Дик, пиво за мной.

Глава 7

Струи дождя хлестали по веткам деревьев над головой Суни, отрезав путь через трясины Заболоченная, давно прогнившая рукотворная дорога, незнамо кем и когда проложенная среди гиблых, испаряющих яд и тлен торфяных болот, даже в нормальную, сухую погоду была с трудом проходимая. Теперь же, когда разверзшиеся небесные хляби старались затопить сушу, путь вперед был отрезан окончательно. Барт, ускакавший от парома на полчаса раньше, тоже должен был столкнуться с этой проблемой. Наемник мог оказаться отпетым негодяем и «крысой», но уж точно не дураком и потому не сунулся бы на заведомо самоубийственный путь.

Спешившись, Суни привязал то и дело стригущего ушами коня к ближайшему суку и внимательно осмотрел землю. Вскоре обнаружили следы – четкие, чуть смазанные по краям отпечатки подков. Судя по ним, Барт пару раз хотел двинуться напрямик через болото, но в последнюю секунду его будто что-то останавливало, и следы лошадиных копыт делали круг, возвращаясь к исходной точке. После следы перестали петлять – всадник решил направиться по другому пути, но тогда начались и вовсе чудеса. То усталое животное срывалось в галоп, оставляя на раскисшей от дождя земле глубокие полукруглые рытвины, то резко останавливалось, а под конец и вовсе, перейдя на ровный размеренный шаг,

завернуло в лес.

Оставив коня под защитой подлеска векового леса, Суни вытащил из ножен на поясе меч и стал осторожно красться вперед. Продравшись сквозь колючий кустарник, сплошной стеной идущий вдоль дороги, а затем переправившись через овраг, заполненный водой, он прошел по следам, пока те неожиданно не вывели его к поляне. Хитрый Барт, наемник и пройдоха, молча сидел в седле, склонив голову и упершись подбородком в грудь. Сильные мускулистые руки воина свисали, будто плети, а животное, воспользовавшись свободой, преспокойно жевало редкие побеги зеленой травы, пробивавшиеся сквозь камни, мох и не успевший сойти снег. Остановившись метрах в десяти от Барта, Суни прислонился к широкому стволу дерева, в любую секунду готовый ринуться вперед. Но Барт оставался все так же неподвижен и молчалив, иногда покачиваясь в седле, когда коню нужно было переместиться с места на место.

Вдруг фигура человека дернулась, будто от удара бича. Вскинув голову, он оглянулся, уставившись взглядом горящих даже при свете дня красных глаз прямо на то место, где секунду назад стоял его преследователь.

– Следишь за мной, Суни? – проскрежетал он странным, не похожим ни на что голосом. – Думаешь, догадаешься, куда я направляюсь? А если нет меня больше? Если был, да весь вышел? – Запрокинув голову, он разразился тонким истерическим смехом и, замерев, камнем упал наземь.

Осторожный от природы Суни не произнес ни звука и какое-то время ждал, не шевельнется ли наемник, а потом, выставив меч и взяв в другую руку острый кинжал работы горных мастеров, осторожно направился к неподвижному телу. Падая, Барт обязан был удариться головой о корягу и как минимум потерять сознание. Одна нога его застряла в стальном стремени, и теперь воин представлял собой нечто среднее между куклой и мертвецом. Неестественно раскинутые руки и полная неподвижность могли говорить только об одном...

Пересекая поляну, Суни прислушался к звукам леса, но только колотивший по листьям дождь да шум ветра в кронах нарушали мертвую тишину. Обойдя коня, продолжавшего щипать траву, Суни встал на одно колено, коснулся шеи лежащего на земле и тут же с ужасом ее отдернул. Барт был мертв. Нет, он умер не оттого, что свернул шею, падая на мокрую траву. Наемник умер без малого несколько дней назад. Именно тогда, в трактире, где остался с пищевым отравлением их четвертый спутник, и появился этот странный человек. И, скорее всего, именно тогда, в тот день, Барт распрощался с жизнью. Суни не был магом или лекарем, но трупов на своем веку повидал немало. Запах, оттенки кожи, температура тела и трупные пятна... Волей-неволей он и приобрел часть навыков начинающего некроманта.

Однако то, что произошло с Бартом, ничуть не напоминало работу некроманта. Выпускники Магического университета скорее управляли мертвецами, что никак не придава-

ло их телам гибкости и изящества живых существ, а больше внушало ужас и отвращение.

Оттянув высокий воротник куртки Барта, Суни убедился в наличии трупных пятен и, вложив оружие в ножны, начал шарить по карманам мертвеца. Кошель с золотом переключал на пояс воина в первую очередь, туда же отправилось и четыре добрых метательных ножа с лезвиями-лепестками, а под конец, расстегнув шнуровку на груди, Суни отскочил в сторону и зашипел, будто дикий кот...

Рука мертвеца вздрогнула и вдруг, извернувшись будто змея, вцепилась в горло воина.

– Что, Суни, не ожидал? – притворно расхохотался мертвец, стальным захватом сдавливая горло живого человека.

– Драгур! Как тебе это удалось? – ударив демона по глазам, воин вырвался и отскочил в сторону, держась за поцарапанное горло. Одновременно он выдернул меч из ножен.

– Узнал пентаграмму на груди личины? Молодец. Хвалю. – Барт оскалился, продемонстрировав тонкие острые клыки, которых Суни раньше почему-то не замечал. Глаза, до этого хоть и остекленевшие, но с теплящейся искрой разума, опять превратились в два пылающих угля, и нежить, поднявшись с земли, двинулась по кругу, даже не удосужившись подобрать собственный меч.

– Узнал, – просипел, кривясь от боли, Суни. Увидев маневр драгура, наемник выставил меч перед собой, мысленно ругая себя, что не захватил пику, притороченную к седлу, и

пошел по кругу в обратном направлении, стараясь предугадать маневр противника.

Некоторое время соперники кружили, присматриваясь друг к другу, затем тварь, не выдержав затянувшейся паузы, атаковала. Стремительный бросок вперед... Вытянутые руки, ногти на которых в один миг превратились в длинные кривые когти... Воин принял чудовище на клинок, но рухнул на землю под тяжестью его тела.

– Что? – расхохотался драгур, болтаясь на клинке, чей кончик вышел у него со спины. – Непривычно? А я-то думаю, что за смельчак вдруг решил прокрасться за мной. Ну ничего, забрать у вас документы сразу не получилось, но теперь вы разделились, и вестовых осталось всего двое. Один будет спать, второй караулить товарища, пока и его не смотрит сон, а тут уж придет и мой черед.

– Рановато ты списал меня со счетов, – Суни рывком подбросил тело драгура и, оставив в его холодной груди оружие, стремительно откатился в сторону. Мысленно он понимал, что в одиночку ему с Бартом не справиться. Нужно было бежать назад и, вскочив на коня, гнать, что есть духу, по проселочной дороге, чтобы предупредить об опасности командора и рыжебородого, но у демона были иные планы.

– Стой, – хохотнул немертвый и, вырвав из груди меч, швырнул его на мокрую траву. – Ты куда-то собрался? Жаль, я ведь только начал игру.

– Игру, говоришь? – стремительный рывок, и вырвавшаяся

яся из рук Суни серебряная молния с мерзким чавкающим звуком вошла в глазницу мертвеца. Заветный метательный нож, который он носил на всякий случай. – Скажи, драгур, станет ли игра интереснее, если твоя личина вдруг лишится глаз?..

Глава 8

Неуверенно озираясь по сторонам, Фридрих поспешил по парковой дорожке в направлении шатра. Парк, разбитый в стиле магического минимализма, благоухал и в то же время оставался строгим в своем зеленом великолепии. Но Фридрих Бати чувствовал себя тут неудобно. Его смущали не изящные кроны тщательно подстриженных деревьев, чистые дорожки и высокие стены университета, видневшегося неподалеку. Ему не давал покоя собственный внешний вид. Черная, опаленная по краям дыра на штанах была едва прикрыта длинной рубахой, а та изорвана мерзким колючим кустарником, в который Фридрих приземлился, отскочив от забора. К довершению всего отчаянно болела левая кисть, а на щеке, прямо под глазом, красовались три ровные длинные царапины. Поравнявшись с фонтаном, сын фермера с тоской посмотрел на свое помятое отражение в воде и печально поцокал языком. Но делать было нечего, царапины так просто не спрячешь.

– Да уж, хорош, – пробормотал Бати себе под нос, быстро приближаясь к видневшемуся за поворотом белому шатру с маленьким флажком, развевающимся на ветру – Не абитуриент, а оборванец какой-то. Ну что обо мне подумают господа маги, увидев в таком плачевном состоянии? Как я буду подавать бумаги? Бумаги?! – Мальчишка в отчаянии

схватился за карман штанов и со вздохом облегчения вытащил оттуда подорожную и рекомендательное письмо клирика-степняка. Первые в его жизни, и оттого крайне важные документы почти не пострадали. Несколько заломов посередине не красили бумаги, но эту оплошность можно было списать на плохую дорогу и пьяного кучера. Но если бы у Фридриха спросили, почему край одного из документов почернел и обуглился, ему бы пришлось просто стоять и глупо улыбаться. Не сдавать же Дика и остальную студенческую братию, которые, наплевав на смертельную опасность, пробрались в город сквозь мощное охранное заклятие?

Добравшись до входа в шатер, Фридрих просунул голову внутрь. Шатер как шатер, самый обычный, но только снаружи. Внутри же, на удивление, предстал огромный зал, потолок которого был задрапирован белым шелком. Пробивавшийся неведь откуда свет ярко освещал стройные ряды деревянных парт, за которыми, пыхтя и скрипя мозгами над листами драгоценной бумаги, сидели претенденты, юноши и девушки из всех уделов королевства. У самого входа находился массивный письменный стол красного дерева. За ним, подперев голову руками, скучал невысокий худой мужчина в пенсне. Голова его была начисто лишена волос. По правую руку от него возвышался чернильный прибор и настольные механические часы, а по левую громоздились свитки документов.

– Кто такой? – грозно поинтересовался у появившегося

на пороге шатра Фридриха секретарь. – Почему так рано, да еще и в таком непотребном виде? Или вы не уважаете наше заведение, молодой человек?

– Так уж получилось, господин великий маг! – залился краской Бати. – Извините.

Плаща на секретаре не было, лишь белая накрахмаленная рубашка и брюки с жилетом странного мышиноного цвета. У секретаря сегодня был трудный день, как труден любой из тех дней, что в Магическом университете посвящали собеседованию с абитуриентами. Встав в пять утра, он перекусил на скорую руку, а затем, почти затемно явившись в секретариат, начал готовить бланки для претендентов. К тому времени, как Фридрих появился в шатре, голова у секретаря уже шла кругом, мысли путались от нескончаемого потока желающих стать не иначе как магистрами, боевыми магами или великими лекарями королевства. Поэтому секретарь, услышав из уст замарашки подобную похвалу, расплылся в улыбке умиления. Еще бы, не каждый день тебя называют «господином великим магом», и, смягчившись, он добродушно кивнул.

– Ну да ладно, черт с тобой. Клади документы и бери билет. Сядешь за освободившуюся парту. – В этот момент очередной претендент поднял руку, давая понять, что окончил писать задание, и, положив лист перед сидящим за другим письменным столом магом в синем плаще, вышел вон. – Вот и место освободилось. Ну, чего ты ждешь? Вытаскивай свой

счастливый билет.

Отдав документы и вытащив клочок пергамента, Бати поспешил за парту и, взяв в руки лежащее на письменном приборе перо и окунув его в чернильницу приступил к решению задачи.

Задание ему попало на удивление простое. В первом его пункте требовалось решить нехитрую задачу тридцати яблок и десяти жадных мальчишек, а во втором написать свою биографию и охарактеризовать род деятельности родителей. Обернувшись, он увидел Марвина. Дела Байка шли не очень, лист перед ним был почти девственно чист, но вот руки и стол испачканы чернильными кляксами. Каждый раз, обмакивая кончик пера в чернильницу, сын кузнеца крепко задумывался, оставляя на деревянной поверхности стола черное пятно, но, как ни старался, у него ничего не выходило.

– Ты как сюда попал? – прошептал Марвин, осторожно косясь на задремавшего над толстым фолиантом проверяющего. – Тебя же не пустили?

– Дик помог, – в тон приятелю прошептал Фридрих.

– Ну да, вижу, – хихикнул Байк, указывая на рваные штаны и прорехи на бывшей когда-то парадной рубаше Бати. – А как задания?

– Проще пареной репы. – Фридрих дописал последние слова и аккуратно положил перо в отведенную для него ложбину в столешнице. – А ты?

– Совсем пльву. Эти дрянные сложения и вычитания ни-

когда не были моей сильной стороной. Вот если бы задачка на сообразительность или поручение, где смелость и сноровку проявить, то я завсегда «за». Арифметика – не мой конек.

– А ну-ка дай гляну? – Фридрих, как мог, вытянул шею, пытаюсь различить строчки задания Марвина. – Нет, ничего не вижу. Попробуй передать.

Байк облегченно кивнул и вдруг застыл в немой позе сосредоточенности, так, будто совсем недавно не заламывал руки в просьбе о помощи.

– Так, так, так, – растянuto и сухо прозвучал за спиной Фридриха чей-то строгий голос. – Ну и чем же вы занимаетесь, молодой человек?

Мальчишка резко обернулся и нос к носу столкнулся с магом в синем плаще, что буквально секунду назад мирно посапывал над книгой за письменным столом.

– Списывать вздумали?

– Что вы, господин маг, как можно? – удивление в голосе мальчика было настолько искренне, что маг даже оторопел от столь вопиющего нахальства.

– Допустим, вы не списывали. – Некромант скрестил руки на груди и грозно посмотрел на Фридриха Бати сквозь кустистые седые брови. – Тогда потрудитесь объяснить, чем вы тут занимались?

– Задача попалась интересная, – не моргнув глазом соврал Фридрих, – вон у того парня.

– А свою вы, значит, решили? – удивился экзаменатор, за-

бирая лист с заданиями и поднося его к самому носу. – Так, так, значит тридцать, тут вычитаем, тут прибавляем. Да, все верно. Со вторым заданием вы, вижу, тоже справились без труда. Математику и письмо я вам зачту, но раз уж вы такой любознательный, подкину задачку на сообразительность. Решите – проходите, нет – попрошу вон.

Маг-некромант, принимавший вступительный экзамен, оказался не таким уж и простачком, коим посчитал его Фридрих, легко пустившись на обман. Из-под прикрытых век он наблюдал за залом, где будущие студенты, скрипя перьями и потея, силились решить простые общеобразовательные задачи. Юношу с исцарапанной щекой он заметил почти сразу и, заподозрив неладное, начал внимательно за ним наблюдать. Парень взял задание и принялся что-то быстро строчить, а затем, отодвинув работу, закрутил головой, принявшись с интересом озираться по сторонам.

– Умен, – прошептал некромант, осторожно усмехаясь. – Умен и тороплив. То, что в непотребном виде явился, так почти наверняка прорывался всеми правдами и неправдами, а следовательно, упорен и будет биться до победного конца. Ох, а они с соседом знакомы. Что они там затеяли? Помогает?

Этого некромант просто не мог допустить. Встав из-за стола, он набросил на себя магию невидимости и осторожно, чтобы не шуметь, начал продвигаться по проходу между партами. Застал он Фридриха с вытянутой шеей, когда мо-

лодой человек пытался прочитать задание Байка...

– Задача на сообразительность? – от страха икнул Бати.

– Именно, – заложив руки за спину, пожилой экзаменатор некоторое время просто молча прохаживался по рядам. – Значит, так, слушай и запоминай, дважды повторять не стану. Центральная лестница, ведущая в парадный зал Магического университета, имеет сто мраморных ступеней. Рядом с ней стоит бокал, наполненный сотней хрупких шариков. Сколько шариков надо разбить, чтобы выяснить, с высоты какой ступеньки можно бросить хрупкий шарик, чтобы он не разбился? У тебя всего одна попытка, так что думай хорошо.

На лице Марвина отразилась работа мысли, в то время как Фридрих расплылся в блаженной улыбке.

– Один, – уверенно кивнув, произнес молодой человек.

Губы мага расплылись в хитрой усмешке.

– Поясни.

– Ну, это очень просто, господин маг. Как поступит обычный человек? Начнет кидать шарики, забравшись на лестницу, и так перебьет всю сотню. Я же начну забрасывать с самой нижней мраморной ступени. Сначала с первой на вторую, потом с первой на третью и так до того момента пока он не разлетится на сотни крохотных осколков. Ступенька, на которой он разобьется, и будет максимальной высотой, с которой можно скинуть шарик.

– Верно, – довольно кивнул маг. – И справился ты с этой

задачкой на удивление легко. Ну что же, я держу свое слово. Ступай дальше по дорожке мимо розовых кустов и, как увидишь высокого мага с проседью в бороде, цвет плаща которого красный, спроси, что будет дальше. Как тебя зовут, мальчик?

– Фридрих Бати, – сияя от похвалы, пролепетал довольный сын фермера.

– Так и запишем, – склонившись над бумагой, маг в последний раз окинул написанное Фридрихом и, перевернув лист, размашистым подчерком написал на обратной стороне: «Ф. Бати, сдал».

Не помня себя от счастья, мальчишка схватил протянутый ему лист и пулей вылетел из шатра. Шатер за спиной Фридриха вновь стал обычного размера, и осталось только удивляться, как в такую маленькую палатку вместились такая куча народа. За плечами остался экзамен – первая половина собеседования – и впавший в ступор Байк, которому еще предстояло решить простейшую, по мнению Бати, задачу.

Свернув лист в трубку, юноша улыбнулся и зашагал по дороге. Розовые кусты по правую сторону привели его к пруду где среди листьев кувшинок высывали из воды жадные рты толстые золотые карпы, а стоявший на берегу маг бросал им с ладони хлебные крошки. Увидев приближающегося мальчика, он отряхнул ладони и молча протянул руку, принимая бумагу.

– Ф. Бати, хорошо, – удивленно выгнув бровь, произнес он. – Однако, парень, либо ты удивительно умен, либо очень везуч. Старик редко кого удостоивает своей похвалы.

– Господин маг сказал, что вы проинструктируете меня, – вновь зардевшись от смущения, произнес Фридрих, уставившись на носки своих ботинок.

– Верно. Ты блестяще сдал письмо и арифметику. В мои же задачи входит проверить тебя на ментальную внушаемость. О, не бойся, – усмехнулся маг, увидел испуг в глазах молодого человека. – Это совсем простая и несложная процедура. Знания, которые предстоит получить будущим магам, настолько обширны, что порой приходится получать их ментально. Ну что ж, приступим?

– Как скажете, господин маг! – Фридрих преданно посмотрел в глаза человека в красном плаще и получил новый кивок одобрения.

– Видел ли ты, Бати, когда-нибудь слона?

– Видел, господин маг, – восхищенно кивнул Фридрих. – Как-то раз через нашу деревню проезжал бродячий цирк, и там был огромный длинноносый зверь с большущими ушами и огромными клыками. Мы все думали, что он опасен, но гигант оказался добродушен, ел с рук морковь и обливал нас из носа водой.

– То есть видел ты его всего единожды и не знаешь всех свойств и особенностей?

– Думаю, да.

Маг положил на голову Фридриха открытую ладонь, одновременно с этим извлекая из складок плаща небольшой стеклянный шар со странным свечением внутри.

– Это и есть ментальный шар, – пояснил маг, закрывая глаза. – Подожди несколько минут. Возможно, ты почувствуешь головокружение или покалывание, но не бойся. В твою голову просто поступают знания.

Фридрих стоял, широко раскрыв глаза, и ждал, пока человек в красном плаще бормотал себе что-то под нос. Все действие продолжалось не более пяти минут, затем, выдохнув, боевик убрал руку с головы паренька.

– Все? – удивленно произнес сын фермера. – Но я ничего не ощущаю. Ни покалывания, ни головокружения, ни уж тем более новых знаний.

– Подожди, – экзаменатор бережно убрал ментальный шар в складки плаща. – Я задам тебе вопрос. Если ответишь на него, ментальные каналы у тебя работают, как надо, и к обучению ты почти годен. Готов?

– Да.

– Вернемся к слонам, а точнее, к их дрессировщикам. – Взяв Фридриха под локоть, маг не спеша направился вокруг искусственного водоема. – По условиям моей задачи их четыре. Первый говорил, что уволен из цирка, так как сильно пил, и бедное животное, нанюхавшись винных паров, впадало в бешенство. Второй, общим числом их четыре, уверял, что спал вместе со слоном в одном вольере, и старший труп-

пы побоялся, что гигант во сне может раздавить человека, выгнал того из цирка. Третий утверждал, будто сам за десять лет научил его прыгать через скакалку Четвертый и последний был уволен за то, что недосмотрел за мышами, которые завелись у животного в клетке. Кто из них врет, а кто говорит правду?

Фридрих в замешательстве задумался, но вдруг его лицо озарила радостная улыбка.

– Не знаю, господин маг, откуда я знаю эти подробности, – смущаясь и комкая слова, зачастил он, – но врут трое из четырех. Слон спит стоя и не может ворочаться. Мыши – всего лишь миф. Гигант с длинным носом и огромными ушами их просто не замечает. Да и прыгать на скакалке он не в состоянии, так как не способен оторвать от земли все четыре лапы одновременно. Но вот что касательно хмельного зелья – это чистая правда.

Маг в красном плаще усмехнулся и, положив лист на внезапно появившийся посреди зеленой травы стол, черкнул на нем пару фраз.

– Держи, – улыбнулся он. – Следуй дальше по дороге, пока не закончатся кусты и не начнется тисовая аллея. Там ты увидишь большой старый сарай и четырех магов. Это испытание будет на сегодня последним.

Глава 9

Липкий едкий пот застилал глаза, и Суни едва видел, что лежит впереди. Ноги отчаянно скользили по мокрой траве, все тело болело от постоянного напряжения, но хитрая тварь не отступала, раз за разом бросаясь вперед. Лишенная глаз личина оставила своему хозяину остальные чувства, и, безошибочно ориентируясь на шумное дыхание и запах наемника, инкуб бросался вперед в надежде вцепиться в горло Суни острыми когтями. Воевать с мертвецом было непросто. Драгур не ведал усталости и страха. Боль была не знакома его телу, а упорство в достижении цели, которого не знало большинство, в чьих жилах струилась красная горячая кровь, раз за разом поднимало мертвое тело с земли.

Неживой постарался на славу. Острые, как лезвия, когти в трех местах пропороли кольчужную рубашку и толстую кожаную куртку на груди. Левая рука, по которой пришелся особо сильный удар твари, отказавшись повиноваться, свисала вдоль тела как плеть. Порванная штанина пропиталась кровью, и левая нога начинала неметь, лишая Суни остатков подвижности. Довершал все огромный синяк на лице и почти заплывший правый глаз, но эту травму наемник умудрился нанести себе сам, уходя от смертельного броска драгура.

– Я не вижу тебя, – роняя слюну, шептал Барт, пританцо-

вывая на месте и готовый в любую секунду броситься в атаку – Но я слышу, как стучит твое сердце, как кровь стремительными потоками несется по венам и как твое живое тело смердит потовыми железами, давая мне неоценимые подсказки. Твой страх почти осязаем, наемник. Скоро ты будешь мертв, мертвее своего приятеля в таверне.

– Так он мертв? – Известие о гибели товарища придало Суни силы, и он в отчаянной попытке достать противника бросился вперед и, изогнувшись, ударил по ахилловым сухожилиям. Издав крик разочарования, но не боли, драгур рухнул в траву и, извиваясь будто аспид, пополз к противнику...

– Достаточно, – прохрипел наемник, поднимаясь с земли и быстро пятясь от демона. – В таком виде ты вряд ли причинишь кому-то вред, – и, не дожидаясь, пока неживой придумает очередную мерзкую каверзу, бросился прочь.

Скользкие от дождя ветки беспощадно хлестали Суни по лицу, в кровь разбивая губы. Каждая коряга, торчащая из земли, норовила зацепить его за ногу и повалить. Воздух вокруг стал плотный, осязаемый, и дышать становилось все сложнее и сложнее. Из последних сил добравшись до края леса, Суни отвязал поводья коня и, перевалившись через седло, попытался выпрямиться.

– Но, пошел, родной!

Конь, яростно вращая глазами, чуть было не сбросил хозяина, но сильный удар пятками по бокам тут же разрешил все вопросы. Сорвавшись в галоп, четвероногий понесся по

проселочной дороге. Дикий смех, переходящий в визг, доносился с поляны. Перед глазами Суни было сплошное красное море. Почувствовав, что теряет сознание, наемник впился себе в руку зубами, да так, что в рот брызнула горячая соленая кровь. – Пошел, пошел! – заорал он, нещадно нахлестывая коня по бокам, в припадке дикого страха. – Вперед, родной, не подведи. Ты уж вывези, а я тебя не забуду. Столько овса насыплю, век не осилишь.

В голове Суни помутилось окончательно. Лишенный подвижности драгур, не приняв поражения, как мог, пытался дотянуться до наемника, но теперь не физически, а ментально. Тошнота и головокружение накрыли воина, будто волна, заставив вцепиться в седло и, бросив вожжи, повиснуть на коне, словно тряпичная кукла. Почуввав неладное, и без того несущийся во всю скакун вновь надал. Теряя сознание, наемник только усмехнулся, чувствуя, что липкие, тонкие пальцы черного колдовства, вцепившиеся в его сердце, ослабили хватку.

Оставалось продержаться совсем чуть-чуть, несколько лиг, чтобы изрубленный демон отстал. Превозмогая навалившуюся усталость, Суни сорвал с седла аркан и, обмотав его вокруг пояса, пробросил конец веревки под брюхом несущегося по дороге коня. Так он успел сделать еще три раза и, последним мощным усилием затянув на себе узел, провалился в спасительную тьму.

Глава 10

Замерев под суровыми взорами четырех магов, Фридрих опять покраснелся, будто девица, но смутиться тут было не мудрено. Суровые, заросшие седыми бородами лица, шелковые плащи и острые цепкие взгляды могли заставить ступать даже самого прожженного наглеца, и уж куда там простому деревенскому пареньку, видевшему настоящего живого мага лишь однажды, за сытным обедом у своего старого школьного учителя.

– Фридрих Бати, – пролепетал мальчуган, еле дыша, и протянул лекарю, что стоял ближе всего, трясущейся рукой свои бумаги с росчерком первого экзаменатора.

– Южанин? – Маг принял бумагу и перевернул ее, а затем отдал стоящему рядом боевому магу. Так очередной в жизни Бати документ перебирался из одних рук в другие, и каждый раз на лице нового читателя отражалось недоумение вместе с удивлением. Наконец лист перешел к магу, управлявшему стихиями, – сухому старику с волосатой бородавкой на крючковатом носу. Приняв листок, он какое-то время придиричиво изучал написанное, а затем вопросительно взглянул на Фридриха.

– Молодой человек, – произнес он четко, чуть ли не по слогам. – А как вы прошли на территорию университета? Я не ощущаю на вас охранной печати. Скорее уж наоборот,

возмущение ауры и аккумуляция защитной энергии сверх всяких мер. Вы что, через забор перелезали, или, может, умудрились устроить подкоп?

Внутри Бати будто что-то оборвалось. Стоя перед человеком в зеленом плаще, он не мог вымолвить и слова, мысленно представляя, как суровый сухой старик хватается его за шиворот, тащит к воротам, а стоящие в очереди мальчишки и девчонки, хохоча во все горло, тычут в него пальцем:

– Смотрите! Опять этот, которого не пустили!

– Так его, так, взашей!

– Смотрите, а штаны-то у него дырявые!

– Так все же ответьте, юноша, – напомнил о своем присутствии маг. – Как вы прошли на территорию университета?

– Через забор, – выдохнул Бати и, зажмурившись, представил, как его уже приготовились выпроводить вон.

– А вы хоть знаете, что там за магия? – поинтересовался стоящий поодаль некромант.

– Смею предположить, что защитная, – пролепетал чуть живой от страха Фридрих.

– Он смеет предположить! Посмотрите на этого идиота! – взорвался повелитель стихий. Желваки на его сухом скуластом лице заходили, будто мельничные жернова, бледная старческая кожа пошла красными пятнами и вперемешку с пигментацией вскоре стала похожа на шкуру леопарда. – Он смеет предположить, – орал старик в зеленом плаще. – Да знаешь ли ты, что данная охранная магия применялась в ис-

тории города трижды! Первый раз при создании университета ее наложил светлейший магистр, коего с нами давно уже нет. Второй раз ее заложили в королевский трон, дабы исключить даже малейшую возможность покушения на нашего монарха. Для этого я даже переписал некоторые пункты, чтобы защита узнавала нашего повелителя. Третий же раз ее применяли тридцать лет назад, и исходом было две тысячи мертвых пехотинцев и триста голов панцирной кавалерии его величества!..

– Остынь, – некромант подошел к коллеге и, положив руки ему на плечи, заглянул в глаза. – Парень жив, здоров, прошел два экзамена, и если даже заклятие на заборе не остановило его пытливый ум и брэнное тело, то тем и лучше. Кто твой отец, парень?

Фридрих и не понял, что теперь маг обращается только к нему.

– Фермер, – чувствуя, что гроза миновала, вяло улыбнулся Бати. – У нас в южных пределах ферма поросят и тридцать гектаров под пашню.

– И справляетесь?

– Когда как. Если год неурожайный, то в четыре руки проще простого управлялись, но если жребий ложится как надо, то отец нанимает сезонных работников.

– А как тебя заметил маг? Ну, в самом деле, рекомендательное письмо уважаемого и опытного клирика на дороге не валяется.

– У моего учителя был знакомый, – пожал плечами Бати, разумно пропуская памятный разговор у портрета и возмущение степняка, когда тот узнал, что маэстро проболтался. – Вот он и обратил на меня внимание.

– Ясно, – будто бы что-то решив для себя, кивнул некромант. – Ну, так что, коллеги, приступим?

Сухие кивки и покашливания были ему ответом.

– Готов, парень?

– Готов, господин маг.

– Сарай видишь?

– Как на ладони.

– Ступай туда и принеси мне ножи.

– В сарае есть ножи?

– А это уж твоя забота. – На губах мага заиграла довольная усмешка. – Тебе поручено добыть там ножи, а как ты это сделаешь, решай сам.

Трава вокруг старого, обветшалого сарая из почерневших от времени досок была вытоптана сотнями ног претендентов. Кое-где проступала голая земля, и растительность, как бы она ни старалась, не могла закрыть эти уродливые проплешины. Ворота сарая оказались на удивление прочными и огромными, и вдетый в створку крюк с кольцом служил для того, чтобы, распахнув ворота настежь, пропустить туда телегу или карету для ремонта. Каретный сарай, самый обычный, какие можно увидеть в любом городе или селе, где усталые путники чинят свои экипажи, ждут свежую пе-

ремену лошадей и пытаются отоспаться. В самих же воротах, как это было принято, имелась небольшая калитка, запертая на массивный железный запор. Стальные клепки по воротам шли сверху донизу, и завершала все стальная окантовка краев, тонкая пластина, выполненная рукой неизвестного мастера кузнечного дела. Простой был тот сарай, да не простой. Очень уж много было тут дорогого железа, из которого лучше наделать гвоздей для подков, ножей да добрых наконечников стрел. В родном селе все это вполне заменяли клинья из каменного дуба или обожженной в огне березы. Запор, как правило, тоже мастерили из дерева, попросту делая массивнее и стараясь выполнить из целькового куска дерева.

Маги столпились за спиной Фридриха, с интересом наблюдая за действиями паренька. Некромант уверенно подтолкнул того к входу.

– Что ждешь? – одобряюще улыбнулся он, поправляя складки синего плаща. – Вон вход. Принеси ножи, и ты будешь зачислен. Это последнее испытание, и теперь все зависит от того, как ты его выполнишь. Принесешь – начнешь учиться в университете, нет – отправишься восвояси к своему отцу-фермеру.

Бати сглотнул вдруг набежавшую слюну и, шмыгнув носом, неуверенно поплелся к двери. Дерево, нагретое ласковым весенним солнцем, было теплым и гладким на ощупь. Старый засов, отполированный сотнями тысяч прикоснове-

ний, поблескивал под лучами желтого светила, будто отполированный.

Вцепившись в торчащий из засова штырь, молодой человек потянул, и тот на удивление легко отошел в сторону, отпирая дверь. В сарае пахло прелым сеном и подсолнечным маслом и не нашлось ни одной кареты, зато дверей, самых обычных, маленьких и больших, изящных и сработанных грубо, в помещении хватало. Все эти двери никуда не вели, а были просто прислонены к противоположной стене. Подойдя к ней, Бати осторожно заглянул за первую, приставленную к почерневшим от времени доскам дверь, но кроме сухого сена и мышиного помета ничего не увидел. Маг сказал – ножи, значит, надо было отправляться на их поиски.

Осмотрев сарай от пола до потолка и перевернув горы сена, Фридрих ничего не обнаружил. Самое большее, что у него вышло, – это собрать нечесаной шевелюрой всю паутину по углам да спугнуть выводок полевок, свивших себе уютное гнездо в дальнем углу сарая. Сев в растерянности на пол, юноша начал вытаскивать из волос солому. Маг сказал ножи, – Дик говорил о дверях. Ни грамма порядочной стали, если не считать гвоздь в кармане, а вот дверей сколько душа пожелает. Из простых досок и крашеные, тонкой резьбы и расписанные красками, глухие и со вставленными в самый верх драгоценными стеклами.

Встав с утоптанного земляного пола, мальчик отряхнул штаны и, подойдя к двери, положил руку на ручку, а затем

потянул и шагнул вперед.

...злой нечеловеческий вой ударил по ушам Фридриха, будто кнут. В замешательстве оглянувшись, он увидел вокруг сумрачный лес, а самого себя – привязанным к коню добротным степным арканом. Конь то вздымался на дыбы, то начинал лягаться, выбрасывая назад обутые в подковы копыта, то просто пятился и, выпучив глаза, стриг ушами, но почему-то дальше не двигался. Вцепившись в лук, Бати вздернул себя в седле и в замешательстве уставился на изорванную и испачканную в крови рубаху. Было больно дышать, нога болела, и резкая пульсирующая боль в ступне приносила немало страданий. Через секунду Фридрих понял, почему боевой конь не спешил ускакать вперед. Дорога, по которой он до этого скакал, кончилась и, упершись в лесную чащу, растворилась в ней сотней крохотных звериных тропок. Стволы столетних деревьев вздымались далеко ввысь, цепляясь верхушками за облака. Они стояли так ровно и близко, что бедное животное было просто не в состоянии протиснуться между ними.

Тем временем страшный вой, заставлявший кровь в жилах леденеть, а сердце устремляться в пятки, приблизался, и на заросшей густой травой дороге появилось нечто. Когда-то это, наверное, было человеком, а теперь, превратившись во что-то омерзительное и отталкивающее, оно быстрыми рывками рук приблизалось к Фридриху, и явно не с просьбой подсказать путь к ратуше. Извиваясь всем

телом и волоча ноги, существо уверенно продвигалось вперед. Пепельная кожа, покрытая трупными пятнами, была обильно смочена росой, а изорванная о корни деревьев и колючие ветви кустов одежда обнажала изрубленную кольчужную рубаху.

– Куда же ты так быстро, – завизжал демон, едва увидел пытающегося успокоить коня Бати. – Мы же только начали играть. Ты ведь, наемник, верно, думал, что сможешь от меня уйти? – Выставив вперед морду с пустыми глазницами, из которых торчали рукояти метательных ножей, тварь истерично расхохоталась, и Фридрих понял, что еще секунда, и он грохнетя в обморок. Разум решил сдаться и вручить себя в руки победителя, однако тело думало иначе. Появившийся в руках нож резанул по аркану, и, не ожидая от себя такой прыти, Фридрих одним движением оказался на земле.

– Нет, – услышал он уставший голос, раздавшийся из его рта. – Ты едва не добился своего, драгур. Однако ты забыл, с кем связался, а может, и вовсе не знал.

Скользнувшая в руку рукоять меча и резкий рывок, и вот Фридрих, пытаясь не сойти с ума от страха и отвращения, закружил рядом с тварью, стараясь дотянуться острым клинком до горла.

– Откуда такая прыть? – удивился драгур. – Сила, новая, молодая. Ты выпил зелье?

– Сам не знаю, откуда у меня это, – слова с губ Бати сле-

тали вне зависимости от его желания, и вскоре молодой человек догадался, что тут он скорее гость, чем хозяин. Вот только боль пришлось терпеть вместе с тем парнем, да и страх, леденящий и противоестественный, бил пострашнее доброй плети.

Подгадав удобный момент, тварь на земле извернулась и полоснула по израненной ноге острыми, как лезвие ножа, когтями.

– Разорви тебя на части, – Бати отскочил в сторону, зажимая рукой хлынувшую кровь.

– Теплее, – завизжала тварь. – Новые силы, новая кровь. Сладкая, теплая. Отличное тело для лича, жаль только, что придется его испортить.

Драгур пританцовывал на неестественно выгнутых руках и, чудом не падая на скользкой траве, наносил точечные выверенные выпады. В то же время наемник, в теле которого Фридрих оказался по какому-то странному стечению обстоятельств, начал выдыхаться, шумно дышал и, не имея возможности вытереть струящийся по лбу пот, часто не мог заметить опасности. Холодная сталь в руке человека выписывала в воздухе ажурные петли, жала будто змея и порхая как бабочка. Нежить же, мобилизуя все свои внутренние ресурсы, демонстрировала чудеса акробатики, на которые только была способна ее мертвая личина.

Наконец, извернувшись, елозящая по траве тварь рванулась вперед и обрушилась на человека всем своим весом, сби-

вая с ног и подминая под себя. Короткий пехотный меч вылетел из рук наемника. Превозмогая боль от острых когтей, терзающих тело, Бати попытался стряхнуть с себя демона. Но не тут-то было! Обвив несчастного ногами, тварь оскалилась и, источая зловонный смрад, зашипела, выставив на обозрение острые тонкие клыки.

Из последних сил, чувствуя, что с каждым ударом сердца жизнь покидает его, измотанный в бою наемник вцепился в единственное доступное ему оружие, торчащее из глазниц инкуба – в рукояти метательных ножей, – и, изо всех сил рванув их в разные стороны, упал на траву. Стальная хватка демона ослабла, нежить заверещала, окончательно сведя с ума мечущегося позади дерущихся жеребца...

Солома щекотала нос, и лежать на жестких досках было очень неудобно. Открыв один глаз, Фридрих с облегчением увидел вокруг все те же серые стены сарая и ряд странных дверей, выставленных, будто на продажу. Быстро вскочив, он осмотрел себя с головы до ног, но ни следов крови, ни ужасных ран от острых когтей на теле не оказалось. Ушибы и ссадины отсутствовали, и без того попорченная в колючих кустах одежда не приобрела новых дырок. Посмотрев вниз, Бати уставился на сжатые кулаки, в которых, о чудо, были зажаты рукояти метательных ножей. Тонкие трехгранные лезвия, испачканные чем-то омерзительным, должны бы ли войти твари глубоко в голову и тем самым прикончить ее. Было странно, что она продолжала двигаться, говорить и издавать

мерзкие, рвущие слух звуки.

– Что же это было? – как будто в тумане прошептал Фридрих. Пытаясь понять происходящее, юноша не спеша поковылял к выходу.

Четверо магов все так же стояли поодаль, беседуя о чем-то вполголоса. Хлопнув дверью, Бати направился к магам.

– Вы просили ножи, – звонко произнес он, выставляя вперед руки. – Ну так вот, я их принес.

От четверки в плащах отделился некромант и, подойдя к юноше, с неподдельным интересом взглянул на трофеи Фридриха.

– Очень интересно, коллеги, взгляните. – Четверо магов окружили Фридриха и принялись, кто с любопытством, а кто с явным отвращением, разглядывать находку.

– Откуда ты их взял? – спросил маг в красном плаще.

– За дверью, – честно признался мальчик. – Там были живой мертвец и наемник. Они дрались.

– Ты хочешь сказать, наемники, – добродушно поправил юношу стихийник. – Нет на свете человека, который в одиночку справился бы с демоном. Драгуры сильны, хитры и часто используют в своих целях личину, человеческое тело без души.

– Нет, господин маг, – покачал головой Бати. – Воин был один.

– Ты смотрел на бой со стороны?

– Нет, господин маг. Я сам дрался с бестией. Того не же-

лая, я был в голове этого воина, испытывал его боль и усталость. Как оказалось, я неплохо владею мечом.

Маги молчаливо переглянулись, и некромант забрал у Фридриха ножи. Вместо того чтобы обтереть их тряпицей или пучком травы, маг сноровисто воткнул лезвия в землю, очищая от скверны, а затем, выдернув, так же ловко убрал куда-то в недра своего необъятного плаща.

– Ну что, коллеги, – поинтересовался он, весело оглядываясь на остальных экзаменаторов. – Какой мы вынесем вердикт?

– Мальчик определенно имеет потенциал, – тихо, но так, чтобы слышали все, произнес лекарь. – Ментальный мост он прошел на удивление быстро и легко, а главное, материализовал все, что надо. Это, конечно, не говорит о том, что без врат он сможет проделывать это так же блестяще, но я бы принял юного Бати.

– А как вы, уважаемый Фабиус? – Повелитель стихий закусил губу и внимательно посмотрел на застывшего в ожидании паренька.

– Ты помнишь все, что происходило во время ментального путешествия, мальчик?

– Как будто бы это случилось со мной.

– Ты слышал имена?

– Нет, господин маг. Тварь называла своего противника наемником, а тот ее драгуром.

– Ты знаешь, что такое драгур?

– Нет, господин маг.

– А лич?

– Демон, а как я понимаю... Драгур обмолвился, что из воина вышел бы неплохой лич и ему жаль портить тело...

– А место, ты сможешь узнать место?

– Вот тут, господин маг, прошу меня простить, – Фридрих разочарованно развел руками. – Вокруг был лес, темный и сырой. Таких, наверное, сотни и сотни лиг на север вдоль горного хребта, и точно указать место боя я вряд ли смогу.

– Ясно. Я соглашусь с Мартом, – потерял интерес к разговору Фабиус.

– Мое мнение вы слышали, – произнес некромант. – Трое из четверых вынесли свой вердикт. Остаешься только ты.

Боевой маг достал из-под плаща широкую деревянную флягу, откупорил ее и сделал солидный глоток. Тут же запахло алкоголем и какими-то ароматными травами.

– Я против, – к ужасу Фридриха, вытерев рот рукой, произнес он. – Парень слишком восприимчив.

– Но, Архон, – вступился за юношу некромант. – Тут же врата. Тут и неотесанное полено может показать чудеса ловкости.

– Сильв, – Архон откашлялся в кулак и, скрестив руки на груди, встретился взглядом с коллегой. – Он не просто восприимчив. Парень прошел через ментальный мост, материализовался в голове у одного из сражавшихся и умудрился утащить холодную сталь, а главное, запомнил. Все. До ма-

лейших подробностей. Такое как-то было, восемьдесят лет назад. Забыл, или тебе напомнить?

В воздухе повисло неловкое молчание.

– Трое против одного, – в голосе мага-некроманта послышались стальные нотки. – Лучше восприимчивый одаренный, чем тупой бездарь, способный только на ярмарочные фокусы. У нас шесть курсов непроходимых тупиц, не способных вылечить простейшую проказу или залатать отрубленную руку. Ты правильно подметил, прошло восемьдесят лет, но с тех пор много воды утекло. Все мы, без исключения, получили урок и научились справляться с трудностями, выпавшими на нашу долю, связанными с восприимчивыми учениками. Неужели из-за простой перестраховки мы спасуем перед мальчишкой?

Ничего не понимая из разговора, Фридрих просто хлопал глазами. Из всего произнесенного он понял одно. Боевой маг был против его поступления и сейчас с пеной у рта спорил с чернокнижником. Двое же других, приняв нейтралитет, стояли в стороне и просто молча смотрели на спорщиков. Наконец бурный разговор, с криками, топотом и обещаниями наслать самые страшные проклятия, закончился, и утомленный беседой маг в синем плаще махнул Бати рукой.

– Ты принят, парень. Три против одного. Но запомни, если вдруг в ближайшее время ты вздумаешь по собственной воле прогуляться в чью-то голову или придут дурные мысли в твою, окажешься за воротами университета. Вход на эту

полян у для тебя теперь закрыт. Все понял?

– Понял, – радостно взвизгнул Фридрих, пританцовывая на месте.

– Тогда бегом к коменданту. Вот, держи свои бумаги. Я на них уже расписался. Сдашь их ему, получишь вексель ученика академии, форму, и тебе определят место в общежитии. Ты же с юга, и родственников в Мраморном Чертоге у тебя нет?

– Все в точности как вы сказали, – лучась от счастья, расплылся в улыбке мальчишка.

– Тогда бегом отсюда, – добродушно кивнул некромант. – Видишь, идет новый претендент. Бегом, я сказал!

Не чувствуя ног от радости, Фридрих что есть духу бросился в указанном направлении. Он забыл про все горести и обиды, из головы его вылетел инцидент на воротах, колючки кустов, нещадно царапающие лицо и руки, а также дикая тварь, тянущаяся к его глотке грязными длинными когтями. Этот день стал самым памятным и счастливым в его жизни. Сегодня он, сын простого фермера, Фридрих Бати, не ждавший лучшей доли, сам, без посторонней помощи поступил в Магический университет!

Глава 11

– Фридрих, это слишком длинно, – заключил Марвин, раскладывая вещи по полкам. – Будто ты не студент, а старый пердун с лысиной, одышкой и курткой в заплатах.

– Это ты давно понял или тебя только сейчас озарило? – ехидно поинтересовался Бати, устраиваясь на подоконнике и доставая из принесенного Малькомом куля свежий бублик с маком.

– Ты только не обижайся, – поспешил извиниться Байк, вешая на плечики в узком дощатом шкафу единственный выходной сюртук. – Но, вот смотри, как звали великих магов прошлого? Ор Победоносный. Мак Всевидящий. Лун Целитель.

– Ора звали Орландино, но он стеснялся своего имени, так как считал, будто оно женское, – пожал плечами Фридрих. – Мак, иначе Макелрой, был так назван, потому что изначально переписчик на воротах его имя неправильно внес. Лун же и вовсе был степняком, а у них, как правило, имена несложные.

– Откуда ты это знаешь? – Мальком удивленно выглянул из-за дверцы шкафа и с новым интересом посмотрел на приятеля.

– Книжек много читал. – Откусив бублик, Фридрих принялся прожевывать сладкую сдобу. – Ну да ладно, какие у

тебя, гения, были варианты?

– Фрид, – тут же с воодушевлением закивал Байк. – Вот прямо так и вижу, будто наяву. Фрид Грозный! Каково?!

Хмурый завхоз принял из рук Фридриха бумагу, где уже оставили свой росчерк три уважаемых мага, и, положив ее на стол, придирчиво осмотрел нового студента.

– Худой какой, – заключил он. – Вас там что, не кормят на юге? Странно, брат говорит, что вы за год по три урожая умудряетесь собрать.

– Кормят, – обиделся за матушкину стряпню Бати, – это просто я расту быстро.

– Растет он, видали, какой языкастый, – шмыгнув носом, заведующий хозяйством удалился в подсобку и вскоре вынес оттуда стопку одежды. – На вот... Получите и распишись.

В эту самую секунду из обычного претендента Фридрих стал самым настоящим студентом магического факультета. В ворохе одежды нашлись рубашка и брюки, неброского серого цвета, но сшитые на совесть. К ним прилагалось две пары чулок, матерчатая сумка из грубой ткани и широкополая шляпа, но особый восторг у мальчика вызвали туфли. Сделанные из телячьей кожи, с блестящими медными пряжками и на квадратном каблуке, они были верхом мечтаний любого деревенского подростка.

– Проходи, не задерживайся, – кивнул мужчина, пряча в густую рыжую бороду довольную улыбку. – Если каждый, вот прям как ты, рот разевать будет, то я и до вечера не

управлюсь.

Следующей остановкой будущего мага стала комната коменданта общежития, полного лысого старикашки, начисто лишённого растительности на лице. У него не было ни волос, ни бороды и усов. Брови, и те отсутствовали, и без них лицо коменданта общежития приобретало какое-то потустороннее выражение.

– Бумагу давай, – произнес тот хорошо поставленным командным голосом. – Так, значит, Фридрих Бати. Замечательно. – Оглядев с головы до ног потрепанную фигуру паренька, он нахмурился, но без бровей это получилось настолько забавно, что мальчик чуть не расхохотался. – Весело тебе? – пророкотал комендант, пытаясь испепелить Бати взглядом. – Если нет, вот тебе повод для смеха. Обычно я правила проживания в кампусе не озвучиваю, их любой желающий при входе в свой корпус прочесть может. Но для тебя сделаю исключение. В шесть утра выход на зарядку. Любой оставшийся в корпусе без уважительной причины зачисляется в наряд по корпусу. То же относится и к тем, кто решил прийти в гости после двадцати двух ноль-ноль. Если в корпусе, в вашей комнате, будут найдены посторонние без моего на то разрешения, опять наряд вне очереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.